

63.4(2)

Т 144

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ КУРГАНОВ АЛТАЯ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач.

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ КУРГАНОВ АЛТАЯ

(ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА)

АК ЧЕЧЕК

ГОРНО-АЛТАЙСК

2000 г.

ББК
63.4(2)
Т 144

Тайны древних курганов Алтая

Альбом

г. Горно-Алтайск, издательство «Ак Чечек», 2000 г. 112 с.

Древние курганы Алтая хранят в своих недрах немало тайн. Настоящий альбом рассчитан для широкого круга читателей и призван обратить пристальное внимание общественности к проблеме сохранения Памяти.

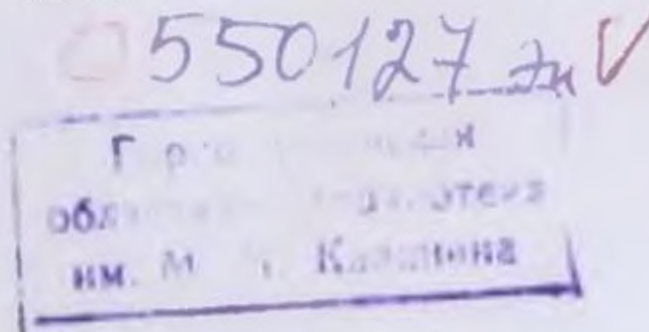
От издательства

Сложна и многообразна история человечества. Величайшие географические открытия, остроумные технические изобретения, шумные героические баталии. Но есть во всем этом калейдоскопе еще одна очень привлекательная грань — изобразительное творчество. Безудержная фантазия, совершенство форм, глубокие мысли о сущности мироздания.

Все это очень гармонично переплелось в самобытном изобразительном искусстве древних племен Алтая скифской эпохи, великолепные образцы которого дошли до нас через тысячелетия в обледеневших гробницах могущественных вождей племен.

На страницах предлагаемого издания проиллюстрирована серия лучших произведений той отдаленной поры. Есть некоторая уверенность в том, что в скором времени в Горном Алтае под пазырыкскую культуру будет открыто художественное училище, специальные керамические и столярные мастерские. Тюлевая ткань, различные кожаные изделия, майки, футболки, выпускаемые предприятиями республики украсятся образами пазырыкской культуры.

Целая индустрия основанная на образцах алтайского звериного стиля завоюет признание во всем мире. Пазырыкская культура должна стать символом Горного Алтая. Дело за энтузиастами, дело за всеми нами.

Обложка В. В. Сальникова

Связь времен и преемственность поколений

В благодатных горных долинах Алтая, красотой и величием которого восхищались и восхищаются не одно поколение, со времен древнекаменного века никогда не замирала человеческая жизнь. Здесь рождались, расцветали и сменялись цивилизации, передавая друг другу эстафету культуры. Человек на Алтае всегда шагал в ногу со временем: в свой час переходил от каменных орудий труда и оружия к медным и бронзовым, к сроку менял бронзу на железо, овладевал различными видами письменности, переходил от общинной родоплеменной организации к государственной.

Еще много страниц древней истории Алтая покрыты тайной, но уже сейчас, опираясь на достижения прежней и современной археологии, можно определенно говорить, что развитие человеческого общества на Алтае представляло собой непрерывный процесс. Каждый последующий народ наследовал культурные достижения предыдущего этноса и весьма значительную, если не большую долю его генофонда. Конечно, возможности антропологии, используемой историками в ряду основных источников для концепций этногенеза, довольно ограничены. Вероятно, новые возможности откроет перед исторической наукой развитие генетики, данные которой могли бы подтвердить очевидную генетическую преемственность различных, но близких и родственных народов, последовательно сменявших друг друга на Алтайской земле.

Скифо-сибирский мир

К середине I тысячелетия до нашей эры в эпоху раннего железного века в великом степном поясе Евразийского континента — от Дуная на западе до Забайкалья и Ордоса на востоке — сложились культуры так называемого скифо-сибирского мира. Этот феномен еще долго будет будоражить умы ученых: будут написаны тысячи научных трудов, будут сломаны тысячи копий в спорах. Суть его такова — на бескрайних просторах Великой Степи появились три группы сходных предметов: вооружение, приспособления конской сбруи и произведения искусства. Сходное оружие представлено бронзовыми и железными кинжалами с перекрестьем, напоминающим распавшиеся крылья бабочки, и валиковым навершием, а также разновидностями трехлопастных и трехгранных наконечников стрел. В конской упряжи одинаковыми были удила, имеющие стремечковидные и кольчатые формы, и псалии, окончания которых зооморфны. В искусстве повсеместно распространилось изображение оленей с ветвистыми рогами, грифонов — фантастических существ и сцен борьбы зверей.

Это был мир, отличающийся своей хозяйственной, культурно-исторической и идеологической направленностью. Вместе с тем он вобрал весь предшествующий опыт развития населения Евразии, начиная с эпохи палеолита. Важно учитывать то, что на всей огромной территории степей Евразии в раннем железном веке жили племена и европеоидного, и монголоидного, а также, что естественно, смешанного антропологического типа, близ-

кие по культуре и материальному производству.

Высокая культура населения скифского периода возникла и развивалась в тесном контакте между государствами своего круга и странами иной политической традиции — Грецией, затем Римом на западе, Персией на юге и Китаем на востоке. Скифо-сибирский мир существовал около половины тысячелетия. Это была блестящая эпоха в истории Евразии. Значителен, весом ее след в истории тюркских и других народов.

Открытие Пазырыка

Расцвет периода раннего железа Горного Алтая представлен памятниками пазырыкской археологической культуры VI—II вв. до н. э.

Первые научные раскопки курганов этого времени на Алтае произвел известный ученый — археолог, этнограф, тюрколог В. В. Радлов в 1865 году. Он же впервые обнаружил подкурганную мерзлоту, обусловившую сохранность вещей, даже таких, как меховые одежды, шелковые ткани и многочисленные предметы, изготовленные из дерева и других органических материалов. Несмотря на несовершенство методики раскопок, материалы В. В. Радлова до сих пор представляют большой интерес для науки.

В нашем веке археологические исследования курганов знати скифского времени были продолжены Алтайской экспедицией под руководством С. И. Руденко, организованной бывшим этнографическим отделом Государственного Русского музея. Летом 1927 года участники экспе-

диции во главе с М. П. Грязновым в течение 47 дней исследовали огромный каменный курган в урочище Шиббе на реке Урсул. Наличие подкурганной мерзлоты в Шиббинском кургане определило на многие годы исследовательские планы Алтайской экспедиции.

Через год после работы в Шиббе экспедиция приступила к раскопкам Первого Пазырыкского кургана. Курган также оказался с мерзлотой и дал удивительной сохранности находки, которые с большими трудностями были оправлены вниз по Чолушману, переплавлены через озеро Алтын-Кель (Телецкое) и далее спущены на плотках по р. Бии.

Исследование других курганов урочища Пазырык было осуществлено в конце 40-х годов Институтом материальной культуры Академии Наук СССР при участии Государственного Эрмитажа, куда и поступили все материалы раскопок. В 50-х годах Алтайская экспедиция раскопала в долинах Урсула и Каракола около сел Кулады и Туйакту (Туюкта) еще четыре кургана скифского времени.

Результатом работ экспедиции был ряд обобщающих трудов, взволновавший весь ученый мир. Название урочища Пазырык закрепилось позднее в наименовании всей общности исследованных памятников, которую ученые стали условно называть пазырыкской археологической культурой.

Как ни парадоксально, после открытий С. И. Руденко и М. П. Грязнова археологическое изучение Алтая затормозилось на многие годы. Курганы Пазырыка, Башадара, Шиббе и Туйакту затмили многие проблемы алтайской археологии, такие,

например, как неравномерную изученность территории республики, почти полное отсутствие материалов эпохи неолита, бронзы, гунно-сарматского времени, позднего средневековья. Не проводились также и широкомасштабные раскопки погребений не знатных людей скифской эпохи.

Исследование курганов пазырыкской культуры было продолжено в середине 60-х годов. За последние три десятилетия раскопками памятников данной культуры занимались С. С. Сорокин, А. И. Мартынов, В. Д. Кубарев, Д. Г. Савинов, В. А. Могильников, А. С. Суразаков, В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак, В. А. Кочеев и другие.

Говоря о памятниках эпохи раннего железа нельзя ограничиваться только погребениями. Существуют и другие виды памятников: поселения, поминальные и ритуальные сооружения, изваяния, стелы, петроглифы и т. д. (см. рис. 1).

Устройство курганов

Курганы пазырыкской культуры представлены двумя группами могил: кара-кобинской и собственно пазырыкской. Кара-кобинские курганы располагаются цепочками с севера на юг, имеют округлые в плане насыпи с крепидой из более крупных камней, каменные ящики из вертикально поставленных плит, погребения людей на правом боку с согнутыми ногами головой на запад или восток.

Раскопанные курганы знати относятся к пазырыкской группе могил и представляют собой огромные сооружения. Диаметр Шибинского кургана, например,

равнялся 45 метрам, высота — 2 метрам, глубина могильной ямы достигала 6 с лишним метров. Только для наката над погребальной ямой было использовано 600 бревен.

Не менее впечатляющими были размеры Первого Пазырыкского кургана. По подсчетам исследователей, на сооружение каменной наброски над могилой похороненного здесь царя понадобилось 1800 кубометров камня. Курганная насыпь имела высоту в 2,2 метра при диаметре в 47 метров. В древности насыпь над курганом имела несколько иной вид. Первоначально его конструкция представляла собой круг диаметром в 34 метра, сложенный из крупных камней в высоту на 40 см. Внутреннее пространство круга было заполнено камнями. После завершения строительства курган выглядел как каменный холм четырехметровой высоты с отвесными стенками. Со временем насыпь осыпалась и приобрела пологость, вдвое уменьшившись в высоте.

В центре кургана находилась большая квадратная могильная яма с размерами сторон 7,2 x 7,2 метра и глубиной в 4 метра. В южной части ямы на ровной подстилке из мелкого битого камня стоял сруб в девять венцов толстых брусьев, с бревенчатым потолком. На дне сруба был настлан пол из толстых плах. Этот сруб находился внутри большего сруба, сработанного из бревен в одиннадцать венцов, с бревенчатым же потолком. Пространство между внутренним и внешним срубом было засыпано мелкими камнями.

Часть могильной ямы, не занятой двойным срубом, предназначалась для погребения лошадей. Их трупы покоились на

слое мелких камней и сверху были покрыты толстым слоем перемежающихся пластов кустарника (курильский чай), бересты и лиственничной коры. Несколькими слоями того же курильского чая, больших листов бересты и лиственничной коры была покрыта также поверхность потолка внешнего сруба.

Над всем этим сооружением внутри могильной ямы возвышался навес из толстых балок, опирающихся на вертикально поставленные деревянные столбы. На балки были уложены ряды шестиметровых бревен, заполнявшие могильную яму до самого верха. Количество таких бревен превышало три сотни.

По заполнении могильной ямы, над нею был уложен в виде плоского холмика весь грунт, вынутый при рытье усыпальницы, и уже после этого сооружен каменный холм. В каменных набросках больших курганов встречаются огромные валуны. Например, взвешивание валунов Пятого Пазырыкского кургана показало, что их вес достигает двух-трех тонн.

Примерно так же, как описанный Первый Пазырыкский курган, устроены все большие курганы пазырыкской культуры. Сходное, но гораздо более простое устройство имеют средние и особенно малые курганы. Все они имеют погребальную камеру из бревенчатого сруба, установленную в могильной яме. Во многих курганах обнаружены сопроводительные конские захоронения. Самые малые курганы, где погребены в основном дети и подростки, имеют насыпи диаметром от четырех до семи метров.

Поминальные выкладки

Рядом с курганами пазырыкской культуры расположены поминальные выкладки. Они представляют собой восьмикаменные кольца или небольшие округлые курганчики, сложенные из камня с западной стороны курганов. Каждый курган сопровождаются две или даже три выкладки, которые в целом создают ряды, параллельные основной цепочке каменных насыпей могильника. Раскопки поминальных выкладок выявили их культовый характер, неразрывно связанный с погребально-поминальными циклами. Внутри каменных колец и под каменной наброской поминальных курганов обнаружены следы огня и обгоревшие кости жертвенных животных.

Известный новосибирский археолог В. Д. Кубарев, исследовавший десятки подобных сооружений, считает, что здесь производились заключительные действия, совмещавшие обряды кормления и проводы души умершего, по содержанию близкие похоронным обрядам алтайского народа. Этот вывод наглядно иллюстрирует преемственность и тесную связь традиционной культуры алтайцев и пазырыкской культуры эпохи раннего железа.

Балбалы

Это вертикально поставленные камни, расположенные преимущественно с восточной стороны курганной насыпи. Правильные ряды камней, почти одинаковых по высоте — до полуметра — различаются по их числу. Различия объясняются раз-

ной степенью сохранности этих ритуальных сооружений, а также канонами погребального обряда. Наряду с восьмикаменными кольцами, балбалы являются основными определяющими признаками при поисках курганов пазырыкской культуры. Назначение балбалов на данном этапе развития археологической науки не вполне объяснимо. Некоторые исследователи считают, что они являются свидетельством внимания к умершему, другие видят в них, напротив, воплощение убитых врагов. Как бы там ни было, традиция установки балбалов была унаследована населением более позднего периода. Алтайские тюрки всегда почитали памятники скифского времени как наследие своих предков.

Оленные камни

Это один из интереснейших памятников раннего железного века Алтая, до сих пор еще загадочных. Оленные камни являются статуей, скульптурным изображением со сложной изобразительной символикой. Главные элементы символики — пояс, кольца-серьги, параллельные линии на месте лица.

Самые крупные и наиболее интересные раскопки оленного комплекса произвел В. Д. Кубарев на р. Юстыд в Кош-Агачском районе. Он состоял из ряда более 30 оленных камней с одним крупным центральным камнем. Подобные оленные комплексы являются местами жертвоприношений. Об этом свидетельствуют округлые выкладки около них, в которых обнаружены следы кострищ, фрагменты керамики, кости животных и т. д.

Жилище и его внутреннее убранство

Жилищами населения пазырыкской культуры были обычные прямоугольные дома, а также восьмиугольные или шестиугольные бревенчатые постройки с крышей такой же формы, сужающейся кверху, и дымовым отверстием. До недавнего времени многие ученые считали точно такие же многоугольные срубные жилища современных алтайцев переходной формой от традиционной конической юрты к русской избе, хотя они были известны по Первому Пазырыкскому кургану. находка новосибирскими археологами в 1990 г. бревен от разобранного многоугольного жилища или заготовок для него в кургане могильника Ак-Алаха на плато Укок в Кош-Агачском районе позволила автору раскопок Н. В. Полосьмак подтвердить вывод о том, что традиция возведения бревенчатых построек на Алтае имеет «древнюю и, вероятно, непрерывную историю». (см. рис. 3).

Домашняя Утварь. Домашняя утварь состояла преимущественно из бронзовых котлов, столов, столиков-блюд на низеньких ножках, деревянных изголовий, покрытых мехом, и деревянной посуды, глиняных кувшинов, кожаных или меховых сумок и фляг. (см. рис. 4—7). Освещались жилища каменными светильниками, куда наливали жир.

Пазырыкская керамика. Наряду с широко распространенной деревянной посудой, древние алтайцы употребляли керамическую посуду. Самое большое число в находках составляют изделия, имеющие форму кувшина. Вообще, пазы-

рыкские сосуды по форме довольно разнообразны. Обычный цвет сосудов — красноватый или бурый, но встречаются и черные экземпляры. (см. рис. 8).

Люди пазырыкского времени умели делать большие сосуды полуметровой высоты. Один из таких сосудов, найденный во Втором кургане Пазырыка, имел наклеенные на него украшения, которые представляют собой вырезанные из кожи фигурки фениксов, покрытые оловяной фольгой.

Ковры. В Пятом большом кургане Пазырыка прекрасно сохранился огромный ковер высотой 4,5 метра. Первоначальная длина ковра превышала 6,5 метра. Однако приспособивая его к похоронной процессии, ковер обрезали с обеих концов, укоротив его длину до 6 метров. Сделан он из белого войлока, расшитого многокрасочной войлочной аппликацией. На ковре несколько раз повторен сюжет, изображающий, по мнению С. И. Руденко, конного вождя, внимающего богине, сидящей на троне.

Кроме описанного ковра, в больших курганах Пазырыка найдены еще три войлочных ковра, которыми были задрапированы внутренние стены могильных срубов. На одном из них цветной аппликацией выполнено изображение получеловека-полульва (сфинкс) и птицы. Надо заметить, что пазырыкцы умели делать очень тонкий войлок, отличающийся от современного фетра лишь плотностью.

Пятый Пазырыкский курган сохранил для истории изумительный ворсовый ковер. Он — слегка удлиненной формы, размером 1,89x2 метра. Центральная часть ковра покрыта сложным орнаментом и

обрамлена рядом повторяющихся изображений грифона. Следующий ряд обрамления состоит из пятнистых оленей. Затем следует рамка, заполненная орнаментом. Самый широкий бордюр заполнен изображениями чередующихся верховых и спешивших всадников. Завершает композицию кант, заключающий фигуры грифонов. Рисунки ковра многокрасочны. Преобладают мягкие тона: темно-красный, голубой, зеленоватый, светло-желтый, оранжевый и другие. (см. рис. 9).

С. И. Руденко привычно полагал, что этот ковер сделан в регионе Передней Азии. Однако современные исследователи после специального всестороннего анализа шерсти и красителей ковра, пришли к заключению, что он сделан в центральноазиатской интерпретации модного ахеменидского (древнеперсидского) стиля. Видимо, ковер сделан самими пазырыкцами или их не очень отдаленными соседями.

Магические зеркала и гребни. Постоянно присутствуют в пазырыкских могилах, притом как мужских, так и женских, бронзовые зеркала. Большинство их является миниатюрными копиями настоящих, специально сделанными для замены настоящих в погребениях. Для замены использовали также деревянные копии. В больших пазырыкских курганах найдены серебряное зеркало и зеркало из белого металла китайского происхождения.

Зеркала имеют дисковидную форму, нередко украшены изображениями животных. Носили их в кожаных, войлочных и меховых футлярах, прикрепленных к поясу. Магическая роль зеркала у древних народов Евразии общеизвестна: оно ог-

раждало от действия злых сил и осуществляла связь с Небом. Магико-охранительные функции зеркала выполняли и его небольшие обломки. Поэтому часто в пазырыкских курганах археологи находят не целые зеркала, а его фрагменты. (см. рис. 10, 11).

Роговые и деревянные гребни были не только используемы, они несли функции оберегов.

Ценители музыки

В больших курганах Пазырыка и Башадара обнаружены уникальные музыкальные инструменты Древнего Алтая. Эти курганы сохранили пазырыкскую арфу. Для игры на этом инструменте, возможно, пользовались смычком. В таком случае его можно рассматривать как «праскрипку». Остатки инструментов дают представление о технике их изготовления. Корпус одного из них длиной в 83 см. выдолблен из цельного куска дерева и покрыт в средней части приклеенной деревянной декой длиной около 26 см. с крестообразным резонансным отверстием посередине. Деками-мембранами из качественно выделанной кожи, выкрашенной в красный цвет, затянуты открытые части корпуса. Кожаные мембраны имеют по три резонансных отверстия, и их удерживают на корпусе тонкие деревянные шпальки. На одном конце корпуса укреплен струнодержатель высотой 24 см. Сохранившиеся остатки струн позволяют сказать, что их было не менее четырех. (см. рис. 12).

Во Втором и Пятом курганах Пазырыка найдены почти целые барабаны, а в Третьем кургане сохранились его облом-

ки. Корпус барабанов составлен из двух гнутых пластин, сделанных из бычьего рога. Пластины скреплены между собою нитью, продетой в ряды просверленных дрелью отверстий. Таким же образом крепилась к корпусу мембрана, натянутая на верхнем конце барабана. Все швы барабана замаскированы наклеенной на них узкой золотой пластинкой с орнаментом, напоминающим веревку. Барабаны были односторонними, бокаловидной формы. Высота их достигала двух десятков сантиметров, диаметр около 10 см. в верхней части и 8 см. в нижней. Середина была сужена до 6 см. (см. рис. 13).

Одежда

Из исторических источников известно, что скифы, в том числе жители Горного Алтая, в те давние времена, носили короткий меховой кафтан (шерстью внутрь), с косыми заходящими одна за другую полками, перетянутыми кожаным поясом. Штаны были и узкими и широкими, сшитыми из меха или из шерсти, кожи или войлока, как и кафтаны расшитые узорами. Свои длинные штаны они заправляли в мягкие, кожаные, без подметок и каблучков сапожки, которые перевязывались у лодыжек ремешком.

Штаны — изобретение кочевников. В античной литературе их ношение было синонимом понятию «варвар».

Одежда богатых мужчин состояла из широкой кендырной рубахи с прорезом для продевания головы и без воротника. Длинные выше колен чулки шились из войлока, а длинные кожаные сапоги имели меховые голенища. Верхней одеждой

служили или кафтаны, сшитые из тонкого войлока, или кожаные кафтаны на собо́льем меху.

Верхняя одежда женщины также шилась из тонкой кожи на беличьем меху с узкими, декоративными рукавами. Носилась она со своеобразно оформленным нагрудником. Короткие чулки женщины шились из тонкого войлока. Они носили кожаные сапожки с меховыми голенищами. Обувь женщин богато орнаментировалась. Подошвы сапожек украшались кристаллами пирита и бисером. Отсюда следует, что женщины зачастую сидели на полу с поджатыми ногами.

О женской одежде наиболее полно можно судить по наряду женщины, найденной в одиночном непо потревоженном первом кургане могильника Ак-Алаха 3. Руководитель раскопок Н. В. Полосьмак отмечает: «Набальзамированное тело найдено в прекрасно сохранившейся одежде. Просторная шелковая рубаша, фасоном и отделкой идентичная мужской, обнаруженной во втором Пазырыкском кургане, — это по-настоящему роскошная вещь. Еще одно свидетельство существовавших связей с государствами Китая. Тяжелая, шерстяная двухцветная (белокрасная) юбка, очень длинная и довольно широкая, подпоясывалась пришитым плетеным из шерсти поясом с многочисленными кистями. Длинные закрывающие бедра белые войлочные чулки украшены по верхнему краю красной аппликацией. Этот наряд завершил головной убор — целое сооружение, включающее парик, его деревянные в золотой фольге украшения и длинное навершие из ткани и вой-

лока на деревянном каркасе».

Многими курганами пазырыкской культуры сбережены до наших дней шерстяные ткани местного производства. Ткани из растительных волокон или шерсти, смешанной с растительными волокнами, найдены в единичных экземплярах. Многие ткани сохранили окраску, приданную им в древности различными красителями. Обследование красителей показало, что пазырыкцы использовали индиго, пурпурин, ализарин и марену.

Исследование остатков тканей, найденных в могильнике пазырыкской культуры Ак-Алаха I показало, что они изготовлены на вертикальном ткацком станке. (см. рис. 14—17).

Головные уборы. На Алтае в скифскую эпоху было распространено два основных типа головных уборов. Одни имели конусовидную форму с высоким и узким верхом и широкими полями, прикрывающими затылок и уши. Другие в виде плотно облегающей голову шапочку с лопостями. Головные уборы и прически их обладателей были богато украшены.

Деревянные вогнутые дощечки с резным орнаментом, покрытые листовым золотом составляли каркасную основу женского головного убора. Женщины собирали волосы на макушке и темени, заплетая их в одну косу, которая заключалась в деревянный футляр накошник. В нее прическу приплеталась еще и искусственная коса. Накошник одновременно служил основанием наголовника.

Шпильки не только скрепляли прическу, но и являлись и украшением.

Женская прическа непосредственно

была связана с головным убором или наголовником, который как выяснил М. П. Грязнов, «представлял собой шапочку с вертикально стоящим на нем стержнем высотой около полуметра, соединенные с волосами женщины». Такое довольно громоздкое сооружение в ритуальных целях носили и мужчины.

В повседневности мужчины и женщины носили обычную войлочную шапку, парадно-погребальной разновидностью которой они навечно снабжались свершая свой путь в мир усопших. Возможно и то, что фигурки животных на головном уборе являлись тотемом рода или воинской эмблемой. (см. рис. 18).

Многие головные уборы украшались резной деревянной диадемой. Они окаймляли нижний край головного убора, придавая ему нужную форму и жесткость. Покрытые снаружи разнообразной барельефной резьбой и раскрашенные красками черного и белого цвета, диадемы служили эффектным украшением головного убора. (см. рис. 19).

Украшения

Украшения в раскопанных курганах Горного Алтая представляют собой серьги, шейные гривны, перстни, ручные и, возможно, ножные браслеты, бусы, диадемы головных уборов. Судя по отрубленным кистям рук, голов бальзамированных трупов самые значительные украшения были похищены.

Мужские и женские серьги в основной массе изготавливались из согнутой в колечко золотой проволоки. В то же время имелись золотые серьги очень тонкой ювелир-

ной работы. мужчины носили, по-видимому, только одну серьгу, в левом ухе.

Шейные гривны в большом количестве были найдены в курганах Уландрыка, Юстыда и Ак-Алахи. Высокохудожественные шейные гривны имеющиеся в Сибирской коллекции Петра I свидетельствуют о широком распространении подобных украшений. (см. рис. 21, 22).

Одежда древних пазырыкцев была украшена разнообразными нашивными фигурками из золотого листика. Бронзовые штампованные, покрытые золотыми листиками пластинки указывали на значимость личности их носителя. Почти во всех курганах встречался разноцветный бисер и бусы, в частности из бирюзы.

Раковины каури встречающиеся в некоторых курганах, по-видимому, являлись и украшением и оберегом. Они были символом женской плодовитости у многих народов. (см. рис. 20, 21).

Неразлучный спутник

В жизни алтайского населения важную роль играла лошадь. Она была средством передвижения, тягловой силой, составляла кавалерию во время войны. На ней охотились. Из кобыльего молока готовили напитки. Лошадиная шкура шла на выделывание очень прочной кожи. Конский волос был незаменимым материалом для волосяного аркана. Наконец, забитая лошадь давала много мяса.

Провожая умершего соплеменника в мир иной, пазырыкцы не оставляли его без коня. Убитые чеканом лошади занимали в могильной яме кургана место, свободное от сруба погребальной каме-

ры. В больших курганах число погребенных лошадей составляло от семи до двадцати двух голов. В рядовых курганах захоронено обычно от одного до трех лошадей.

Специалисты выяснили, что пазырыкцы имели высокопородных рослых скакунов. Лошади, захороненные в курганах знати, как правило, крупнее лошадей в рядовых курганах. Судя по сохранившимся трупам, преобладали лошади рыжей, золотистой, реже гнедой мастей.

Вместе с лошадьми лежали в могилу их снаряжение. Сохранившиеся детали упряжи показывают, что пазырыкцы придавали большое значение прочности, надежности и нарядности конской упряжи. Для примера приведем описание снаряжения одной из десяти лошадей, найденных С. И. Руденко в Первом Пазырыкском кургане: «Рыжий конь, 18 лет, с хвостом, заплетенным в косу... Седло покрыто красным войлоком и украшено крупными вырезанными из кожи изображениями тигра, терзающего горного барана. Фигура горного барана покрыта тонким листовым оловом. Рога его покрашены в желтый цвет, а борода и «зеркальце» около хвоста в красный. Тигр весь желтый, а рисунок шерсти, глаза и другие детали нарисованы темно-коричневой краской. Ремни нагрудника и уздечки украшены деревянными бляшками. На перекрестьях ремней нашиты широкие бляшки с растительным узором, покрытые листовым золотом, а между ними ряды узких четковидных бляшек, покрытых листовым оловом. Деревянные псалии уздечки украшены изображениями головы мифического орла. Верхнее изоб-

ражение псалия и верхняя половинка бляхи-развилки около него покрыты золотом, нижние — оловом. Бляха-налобник в центре покрыта золотом, по краям — оловом.» (см. рис. 23, 25).

У всех верховых пазырыкских коней подстрижены гривы. Оставлена лишь прядь волос у холка, за которую мог ухватиться всадник, вскакивая на коня. Подстрижены и заплетены в косы и хвосты лошадей. У некоторых хвосты вместо плетения завиты в спираль или завязаны узлом.

Большой интерес вызывают пазырыкские седла. Сохранившиеся экземпляры представляют собой две кожаные подушки, набитые оленьим волосом или травой, и сшитые между собой. Для предотвращения сбивания набивки, подушки простегивались. Поверх подушек лежало войлочное седельное покрытие. Езда по горной местности с крутыми подъемами и спусками затруднена без особых приспособлений по удержанию седла от сползания вдоль спины коня. Наряду с подпругой дополнительные ремни для удержания седла — нагрудный и подхвостный — были известны, оказывается, уже в пазырыкское время. Основным недостатком пазырыкских седел было отсутствие стремян. Их пазырыкцы еще не изобрели. Но войлочные потники под седла лежали и в то время. (см. рис. 26—30).

Интересна и загадочна пазырыкская традиция надевать на голову коня маску и головной убор. Одна из масок имеет кожаную имитацию оленьих рогов, почти в натуральную величину. Спереди на маску наклеено изображение тигра, вырезанное из меха, выкрашенного в синий

цвет. Рога, изготовленные из толстой кожи, оклеены орнаментированной тонкой кожей. Концы отростков рогов украшены пучками конского волоса, окрашенного в красный цвет. Не менее оригинально выглядят и другие маски. Полностью сохранившийся головной убор для коня напоминает шлем с футлярами для ушей. На макушке шлема прикреплено объемное изображение головы козла и фигурка птицы. Основные детали головного убора выполнены из войлока, оклеенного кожей. Из золотой фольги вырезаны фигурки узора на козырьке головного убора и обклейка крыльев птицы. (см. рис. 24).

Летучая колесница

Одной из самых восхитительных находок, сделанных в Пятом Пазырыкском кургане, является изящная четырехколесная повозка сложной конструкции. Ее многоспицные колеса были очень высокими — около 1,6 метра в диаметре. На колеснице была установлена своеобразная кабина для пассажиров, которая, очевидно, обтягивалась каким-то материалом. Внутри нижней части кабинки помещалась решетка из гнутых палок, которых связывали многочисленные спицы, вставленные в отверстия, просверленные в палках. Решетка сохранила следы красной краски, которой она некогда была покрашена. В передней части колесницы было устроено место для возницы. Все детали повозки сделаны из березы.

Подобные очень легкие колесницы, в которые впрягалась четверка скакунов, могли весьма стремительно передвигаться по межгорным долинам. (см. рис. 31).

У пазырыкцев были и другие повозки, для перевозки тяжелых грузов. Их колеса изготавливались из массивных цельных стволов лиственницы толщиной до 40 см и высотой до 47 см. Остов таких телег делался из толстых брусьев, соединенных между собой рядом вставленных в них перекладин. Колеса телег иногда смазывались дегтем. Следы обильной смазки сохранились, например, на колесе из Второго Пазырыкского кургана. Телеги подобной конструкции найдены во всех больших курганах урочища Пазырык, за исключением Четвертого кургана.

Снаряжение воина

На заре человеческой цивилизации, когда цена жизни была несравненно ниже, чем в просвещенные века, когда война, военные набеги считались почетным делом, невозможно было сохранить свободу и жизнь не обладая самым совершенным по своему времени боевым оружием. Пазырыкские курганы дают некоторое представление об арсенале наших далеких и славных предков. Излюбленным и надежным из-за простоты конструкции ударным оружием ближнего боя был металлический чекан (клевец) с деревянной рукоятью. Им наносились смертельные удары по черепу врага. Чекан имел на вооружении практически каждый пазырыкский воин. Он постоянно носился на поясе при помощи специальных портупейных ремней. В погребениях встречаются обычно имитации боевых чеканов, отлитые из бронзы, притом уменьшенных размеров. Настоящие боевые чеканы, найденные в курганах, сделаны из железа.

Не меньшей популярностью пользовался в ту эпоху лук, незаменимый не только на войне, но и на охоте. Сохранившиеся в курганах детали позволяют заключить, что пазырыкский лук был составным, склеенным из нескольких деревянных тщательно обструганных прутьев. Он имел небольшую длину. Найденные в захоронениях наконечники стрел сделаны в основном из кости и бронзы. Среди бронзовых наконечников поражают изображение трех-четырёхлопастные, способные нанести очень большие раны.

Пазырыкский колчан подвешивался к поясу. Конструкция его была довольно простой: узкий кожаный чехол с каркасом из одной деревянной пластины.

В состав обязательной военной экипировки пазырыкца входил боевой кинжал. Он был железным, бронзовые встречались редко. Кинжал хранился в деревянных ножнах, прикрепленных специальными ремешками к правому бедру.

В пазырыкских могилах найдены также щиты двух видов: из кожи со вставленными деревянными палочками и целиком деревянные. (см. рис. 32—35).

Древнее искусство

Изображение людей. Изображение людей в искусстве алтайских скифов очень мало. Они найдены в первом и пятом Пазырыкских курганах, в кургане четвертом могильника Уландрык III, в кургане первом могильника Ташанта I и в кургане Кутургунтас.

Все они стандартны и малохарактерны. На одном из настенных войлочных

ковров из пятого Пазырыкского кургана изображена сидящая на троне богиня с цветущей ветвью в руке и предстоящий перед ней конный всадник. Изображения эти схематичны. Голова воина и всадника и богини несколько преувеличены. Одежда богини и всадника, по-видимому, не местные. (см. рис. 36—38).

Интересна фигура из другого настенного ковра из этого же кургана. На белом войлоке разноцветными лоскутами тонкого войлока нашито изображение крылатого получеловека-полульва. Кисточка львиного хвоста представлена в виде ветвистого рога, уши звериные, рога на голове сфинкса оленьи. Данный мотив зародился в Передней Азии не позднее, чем в начале второго тысячелетия до н. э.

Вырезанные из дерева человеческие головы — украшения узды из первого Пазырыкского кургана можно сопоставить с головой беса из Аму-Дарьинского клада.

Личины из Кутургунтаса напоминают рогатые седельные подвески из первого Пазырыкского кургана. Рогатая седельная подвеска, рогатые личины из ташанины, Уландрыка и Кутургунтаса, возможно, это прямое продолжение традиций каракольской культуры — человека-быка, солнцеголового божества.

Монголоидность пазырыкских седельных подвесок еще более выражено в личинах Кутургунтас и Ташанты.

Орнаменты. При вырезывании орнаментов, независимо от материала, из которого они получались, алтайские мастера широко пользовались элементами заимствованными из мира растений. Преобладали следующие мотивы: розетка, паль-

метка, трехлепестковые и более сложные листья, бутоны и цветки, в частности лотос. Их вырезали из дерева, кожи, кости, вышивали цветными шерстяными нитками. (см. рис. 39—40).

Ими украшали конскую упряжь, нагрудники, одежду, головные уборы людей, лошадей.

Самым простым из этих орнаментальных мотивов является листовидная форма. Достаточно распространенным орнаментальным мотивом была розетка. Более широкое по сравнению с розеткой применение в качестве орнаментального мотива трехлепестковая и более сложная пальметка.

Цветки или бутоны лотоса выявляют связи между искусством Горного Алтая и Передней Азии, но эти лотосные орнаменты явно подверглись местной обработке.

Украшения, основной мотив которых олень и сайга. Фигура оленя в той или иной интерпретации использовалась при изготовлении псалий, подвесок, вырезалась на саркофаге-колоде, она является неотъемлемой частью многих головных уборов. Древнейшие стилистические принципы в изображении «скифского оленя» — олени, стоящие на кончиках копыт, и олени с подогнутыми ногами — сохраняются в изобразительном искусстве позднескифского населения Алтая.

Изображение сайги или дзерана в скифском искусстве не так много, но они очень характерны. В них подчеркнута тупорылость короткой головы с острыми, винтообразными рогами. (см. рис. 41—43).

Изображения горных баранов и козлов. Горным баранам или архарам в алтайском зверином стиле отводится очень значительное место. Они вырезались на концах псалий, ими украшали седельные луки, они служили седельными подвесками, бараньи головы в пасти хищников украшали конскую упряжь.

Воспроизведений горных козлов, по сравнению архарами, значительно меньше. Крылатый козел — тау-теке с огромным рифленным рогом, хвостиком и бородой — это образ хтонического существа, с неограниченными возможностями. (см. рис. 44—48).

Лось. Лось всегда изображался горбоносым. Позу, какую древний мастер придавал определенному животному часто зависела от того предмета, на который наносилось данное изображение. В накладке на луку из пятого Пазырыкского кургана, фигура лося дана в лежачей позе с поджатыми ногами с закинутой головой с огромными рогами и вывихнутым задом. (см. рис. 49—52).

Лошадь и заяц. Из домашних животных древними алтайцами изображались только лошади. До раскопок В. Д. Кубаревым курганов Юстыда и Уландрыка изображений коней в курганах данного периода было найдено мало, а в вышеназванных могильниках фигурки коней встречаются парами, иногда по 3—4 экземпляра в одном комплексе. Изображение коней в пазырыкской культуре относятся к двум различным породам. Первая местная, вторая изящная с лебединой шеей, которую специалисты связывают со Средней Азией. (см. рис. 54, 55).

Заяц. вернее его изображение, в курганах интересующей нас эпохи найден лишь один раз. (см. рис. 53).

Кабан. Кабан животное копытное, но всеядное и поэтому хищное. В схеме мирового дерева этот зверь выступает посредником между нижней и средней зоной мироздания. Кабан на крышке саркофага-колоды из второго Башадарского кургана изображен в позе обычной для хищных зверей. (см. рис. 60).

Волки. Извечный враг человека — волк в скифском искусстве изображался как ярый хищник. Как подчеркивает В. Д. Кубарев в пазырыкской культуре все изображения волков объединяют общие биологические черты хищного зверя: крупная тяжелая голова с длинными челюстями и оскаленной пастью, которая всегда выделялась с особой выразительностью и часто изображалась с открытой пастью с рядами оскаленных зубов. Этот яростный оскал, характерный для волка, при котором приподнимается кончик носа, а вздернутые морщинами верхние губы обнажают клыки, запечатлен в большом числе алтайских изображений. (см. рис. 61—65).

Львы. Изображений львов в искусстве пазырыкцев мало. Отличительные признаки, по которым можно отличить львов от остальных кошачьих — это наличие кисточки на хвосте и гривы. Своеобразные завитки гривы у львиных головок из Каракольского кургана также является отличительной чертой при изображении этого хищника. (см. рис. 56—59).

Тигры. Как уже говорилось в пазырыкском искусстве в большинстве случаев невозможно отличить фигуру барса от фигуры тигра. В интересующую нас эпоху в горах Алтая водились и те и другие хищники.

В резных изображениях хищника на саркофаге-колоде из второго Башадарского кургана уверенно можно узнать фигуры тигров. Их тела покрыты зигзагообразным орнаментом, претендующим на передачу особенностей шкуры, фактуры меха этого зверя. (см. рис. 66, 67).

Кошка. Из семейства кошачьих в алтайском зверином стиле изображались сами кошки, тигры, барсы, львы и всевозможные грифоны. Зачастую трудно определить какое животное из этого семейства изображено в конкретном случае. Поэтому часть исследователей в определении того или иного кошачьего расходятся во мнении с другой частью.

Изображений самих кошек очень много, древние алтайцы особенно тяготели к теме связанной с головой кошки. Скульптурные кошачьи головы имеются во всех Пазырыкских курганах. Ими украшались не только конская упряжь, но и одежда. Особое место среди изображений кошачьих головок занимают рогатые головы, по их связи с рогатыми львиными грифонами. (см. рис. 68—70).

Сцена животных в пасти хищника и перевившихся в борьбе. Пазырыкские мастера поражение хищниками их жертв выражали символическим изображением головы последнего, реже его фигуры в пасти или в клюве хищника. Это, по-види-

тому, является одной из исключительных особенностей композиционного творчества древних алтайцев. (см. рис. 71—82).

Нападения хищных на парнокопытных и борьба грифонов. Как отмечал С. И. Руденко в сценах нападения хищных на парнокопытных блестяще передавалась динамика действия, гибкость и пластичность тела хищника, особенно там, где они впились в загривок своей жертвы или пьют кровь из ее горла. Позой жертвы почти всегда подчеркивалась ее безысходность, поражение.

Изображение грифонов и грифов. Древние пазырыкцы часто изображали мифических ушастых грифов с гребнем и нередко с хохолком. Самые яркие страницы алтайского звериного стиля связаны с изображением орлиных и львиных грифонов. Рогатые и крылатые львиные грифоны все однотипны, у всех у них тело льва, рога, как правило, с шариком на концах, хвост кисточкой. Орлиные грифоны имеют тело льва или тигра (барса) с ушастой головой грифа. Мотив ушастого с гребнем грифа неизменно повторяющийся во всех изображениях орлиных грифонов получил на Алтае широкое распространение. Приемы его воспроизводства весьма устойчивы. (см. рис. 83—91).

Птицы. Из птиц в пазырыкском искусстве очень много изображений петуха или феникса. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению: какую птицу — петуха или феникса — в таком количестве изображали древние алтайцы. Например, посеребренные фигурки, выре-

занные из кожи на саркофаге-колоде первого пазырыкского кургана по представлению С. И. Руденко — петухи, а по С. В. Киселеву — алтайские фениксы.

Гребень феникса или петуха как самостоятельный орнаментальный мотив был широко использован для украшения одежды. Изображений других птиц, за исключением орлов и грифонов, встречаются мало. Среди них своей пластичностью отличается изображение лебедей из войлочного ковра, найденного в пятом Пазырыкском кургане. (см. рис. 93—95).

Рыбы. Изображения рыб были найдены в первом и во втором Пазырыкском, во втором Туэктинском курганах, в курганах могильника Уландрык, Юстыд и в первом кургане могильника Ак-Алаха I. По поводу графического изображения рыбы в татуировке мужчины со второго Пазырыкского кургана С. И. Руденко писал: «...судя по общему очертанию тела и головы, по форме хвостового плавника, а главное, по наличию трех усов (одного на подбородке посередине и двух у передних носовых отверстий) надо полагать, что мы имеем дело с изображением налима».

Представление о рыбе как о хтоническом существе, олицетворяющем в древней системе мироздания нижний мир, существовал и у пазырыкцев. (см. рис. 92).

Татуировки.

Одним из замечательных открытий экспедиции С. И. Руденко была татуировка на теле погребенного мужчины из Второго кургана Пазырыка. Татуировка была выполнена с введением глубоко под кожу

черного красящего вещества, видимо, сажи. Изображены фантастические звери, имеющие самые различные элементы: рога, крылья, хвост, окончивающийся птичьей головкой, клюв и т. д. Наколоты также фигуры горных баранов, кулана или осла, рыбы.

По мнению автора раскопок, татуировка отмечала его знатное происхождение или его мужество, может быть, и то и другое вместе. В то же время С. И. Руденко допускал, что все эти изображения имели какое-то магическое значение или чисто декоративное.

Возможно, значение татуировки на теле мужчины из Пазырыка позволят уточнить новые находки новосибирских археологов на плато Укок в Кош-Агачском районе, где в 1993—95 гг. при раскопках пазырыкских курганов средней знати обнаружены татуированные тела.

На теле погребенной в Укоке женщины татуировки присутствовали только на левой руке. (Других данных у составителя нет). Если брать во внимание ее возраст (примерно 25 лет), вполне можно допустить, что прожила она еще столько же лет, с годами, с ростом ее влияния среди своих соплеменников татуировки могли быть нанесены на ее правой руке, на спине и на поверхности ног. Ведь возраст мужчины со второго Пазырыкского кургана соответствовал шестидесяти годам, и рисунки татуировки были нанесены и на левой его ноге, которая в свое время была сильно порублена грабителями курганов. Полную композицию рисунка на его теле установить не удалось.

Сходство татуировок на теле двух набальзамированных тел (фигуры баранов, оленей с клювом орла, хвостом кошек, ветвистыми рогами с птичьими головами на отростках), стиль и способ их нанесения, а также сама композиция в целом наталкивает на определенные размышления. Мужчина из Пазырыка и женщина с Укока, возможно, являлись или кровными родственниками или представителями одной касты жрецов. А если брать во внимание наличие в той или иной степени монголоидности у обоих, то вполне можно допустить, что они были родственниками одной ветви жрецов.

В пользу аргумента о жрецах указывает то, что женщина была похоронена в одиноко стоящем кургане. Как подчеркивает Н. В. Полосьмак (руководитель раскопок) в контексте культурной традиции погребенная в этом кургане существовала в своей земной и посмертной жизни вне рода, вне семьи. Таким образом, она принадлежала сразу ко всем семьям и родам, зимовавшим на Укоке. То, что мужчина был типичный представитель монголоид, а женщина имела четко выраженные признаки монголоидности дает нам возможность заявить и о этнотерпимости пазырыкцев. Ведь среди похороненных в больших курганах Алтая было немало представителей европеоидов.

Если допустить, что обладатели вполне идентичных татуировок принадлежали к касте шаманов, то необходимо заметить, что мужчина, композиция расположения татуировок которого во многом или полностью совпадает с концепцией мирово-

го древа, древних евразийцев был более могуществен. Известно, что кочевники Центральной Азии рассматривали Вселенную разделенной по вертикали на три мира: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). Дополнив схему мирового древа представлением о четырех сторонах света, мы получим обобщенное понятие о древней пространственной структуре мира кочевников. Обозначив Вселенную в виде мирового древа наши предки на зоологической (зооморфной) основе населили верхний мир птицами, средний — копытами, нижний — рыбами. Но среди них есть животные посредники, которые перемещаясь по стволу мирового древа, связывали все три зоны мироздания. К таковым относятся грифоны-хищники. Рыбы и змеи могли присутствовать только в нижнем мире. На навершиях головных уборов, на ножнах мечей на нижнем конце мы всегда встречаем хищника, на верхнем птицу, копытного или грифона. Такой же схеме подчинено расположение животных на рукоятке зеркала. (см. рис. 96—108).

Сравнение картин-татуировок на теле мужчины и женщины, во-первых, позволяет нам утверждать, что схема мирового древа здесь соблюдена, а, во-вторых, набор животных на теле женщины говорит, что она еще не полностью овладела подземным миром. Среди ее татуировок нет изображения типичных представителей нижней зоны. В данном случае это относится к рыбе. Хотя к тому же пятнистый хищник из семейства кошачьих не снабжен когтями, лапы его заканчиваются мяг-

кими подушечками, в отличие от когтистых кошачьих на татуировках Пазырыкского мужчины. Изображение баранов, на правой ноге мужчины, которые в стремительном беге уносятся в средний мир из подземного океана Тойбодым, где властвует рыба-чудище и морской грифон (шарики, вылетающие из рта кошачьего, и присутствие рыбы позволяют говорить, что они находятся в подземном ненасытном океане Тойбодым (алт. мифология) утверждают особую роль круторогих баранов, как животных, которые имеют возможность спускаться в нижний мир, мир усопших. (см. рис. 109—117).

Татуировка на большом пальце, особой фигуры на кисти, в которой угадываются черты пресмыкающегося с головой оленя, возможно, указывают на специфические возможности жрицы с Укока.

В мифологии народов Сибири некоторые начинающие шаманы до определенного возраста не обладают способностями общаться с духами душами людей, которыми прочно овладел хозяин преисподней — Эрлик. Вполне допустимо то, что Укокская жрица еще не полностью овладела пространством подземного мира, что вытекает из композиции ее татуировок.

Хотя С. И. Руденко отрицал наличие у скифов жрецов и жреческого сословия, есть все основания предполагать, что в достаточно развитом и расслоенном пазырыкском обществе, где утилитарное в своем бытовом значении, но достаточно символичное в идейном отношении искусство вызывало потребность существова-

ния в повседневной жизни особой касты шаманов — толкователей и прорицателей.

Погребальный обряд

Погребение усопших в скифскую эпоху в Горном Алтае совершались по вполне устоявшемуся обычаю.

Умерших клали преимущественно головой на восток, ногами на запад — туда, куда заходит солнце. Хоронили в начале лета или осенью. Этот обычай сохранился у древних тюрков. По китайской хронике, тюрки «умершего весной или летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать, умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться».

С обычаем погребения только в определенное время (обусловленным также с затратой большого количества труда) был связан обычай бальзамирования, которое сопровождалось трепанацией черепа для извлечения мозга. У умерших удалялись внутренности и мускулатура. Их заменяли растительной массой. Вместо удаленных мышц тела вводили консервирующие вещества. Хотя в некоторых случаях мускулатуру оставляли нетронутой.

Иногда в одном и том же кургане одновременно хоронили и мужчину, и женщину. Так было во втором, четвертом и пятом Пазырыкских курганах, во втором Башадарском, в Катандинском. Во втором и пятом Пазырыкских курганах оба тела были положены в одном и том же саркофаге-колоде, в четвертом Пазырыкском и во втором Башадарском тела находились в отдельных саркофагах-колодах.

Отдельно были положены тела погребенных и в Катандинском курганах.

По сообщению Геродота, причерноморские скифы вместе с царем хоронят «одну из наложниц, предварительно задушив ее». Известно, что у азиатских «скифов» женщины занимали очень высокое положение. Об этом свидетельствуют также их одиночные захоронения в ряде больших курганов. Значит, трудно допустить, что в загробный мир их сопровождали собственные жены. Отсутствие захоронения женщин в некоторых больших курганах, по всей вероятности, можно объяснить тем, что эти вожди не имели наложниц. Тела наложниц в захоронениях также бальзамировались.

Погребальный ритуал был связан с верой в продолжение жизни в загробном мире. Поэтому умерших снабжали всем необходимым на время пути. Умершего вождя сопровождала не только наложница. С ним отправлялись на тот свет и его верховые кони со всей упряжью, одежда, оружие и другие лично принадлежащие ему вещи. Хоронили вождей и их наложниц в парадных одеждах. Мужчины с оружием, женщины — с туалетными принадлежностями. В камерах устанавливали светильни, клали рабочие инструменты, ставили столики, блюда для еды, подушки для сиденья. Умерших снабжали пищей: сыром, мясом овец и лошадей. Глиняные и деревянные сосуды содержали, по всей видимости, напитки. По числу погребенных клали и принадлежности для курения. Наложницы, похороненные во втором Пазырыкском и во втором Башадарском курганах, были, по-видимому, и музыкантами. С ними был положен их му-

зыкальный инструмент, типа арфы. В некоторых курганах были найдены ритуальные, односторонние роговые барабаны.

После похорон совершались очистительные обряды. Об этом обряде Геродот писал так: «Окончив погребение, скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы, с телом поступают так: после того, как они поставят три древка, наклоненные один к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту, как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии прирастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней: брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого. Скифы, восхищенные подобной парильней, громко ликуют. Это служит им вместо омовения, ибо они вовсе не моют тело водою».

Во всех Пазырыкских курганах были найдены связанные между собой вверху не три древка, а шесть. Во втором Пазырыкском кургане сохранились и другие принадлежности для курения конопли. Шестиноги там были установлены над медными сосудами прямоугольной формы, на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся.

Скифы свято почитали могилы своих предков. Вспомним ответ, который дал царь скифов Иданфирс персидскому царю

Дарию, на вопрос последнего, почему он не торопится сразиться с ним, а все время отступает: «У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: у нас есть гробницы предков: разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет». (см. рис. 118—123).

Кто они, «стерегущие золото грифы»?

Что за народ оставил курганы, где сделаны такие замечательные находки? Этот вопрос давно волнует ученых.

Многие исследователи считали, что это были ираноязычные племена европеоидного антропологического типа. Исследование черепов из пазырыкских курганов подтвердило европеоидность — с большей или меньшей примесью монголоидности — населения, оставившего памятники пазырыкской культуры. Между тем версия об ираноязычности пазырыкцев не нашла веских подтверждений. И это, видимо, не случайно. (см. рис. 124, 125).

Пазырыкцы обитали в войлочных и срубных жилищах, широко практиковали войлочные изделия в быту, употребляли в пищу конину, пили кислое молоко (айран и кумыс), ели кислый сушеный сыр, умерших хоронили в срубках, колодах и т. д. Вместе с умершим они непременно хоронили специально убитых лошадей.

Все перечисленные атрибуты являются по сей день специфической особенностью традиционной культуры тюркоязычных народов. А европеоидность всегда была присуща тюркским народам, большинство которых и сейчас в целом относятся к европеоидному физическому типу. Ни один нетюркский народ не имеет столь разительного совпадения всего комплекса этнографической культуры и быта с культурой и бытом пазырыкцев и, вообще, народами скифо-сибирского мира.

Таким образом, более чем достаточно оснований видеть в современном коренном населении Алтая — алтайском этносе прямых наследников и потомков населения скифоидной пазырыкской культуры. Тем более, археологические материалы гунно-сарматского времени (II век до н. э. — V век н. э.) подтверждают, что носители пазырыкской культуры стали основой населения этого времени. Генетическая связь четко прослеживается по материалам завершающего этапа пазырыкской культуры и последующей булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени. Поскольку буланкобинцы приняли непосредственное участие в этногенезе средневековых тюрков Алтая, они являются и прямыми предками современных алтайцев. По всей видимости, именно с пазырыкцами, а затем с буланкобинцами связан отчетливо фиксируемый антропологами древний европеоидный компонент, который в более или менее значительной степени имеют в своем антропологическом типе все локальные группы современного алтайского народа.

Завершим наш краткий текст словами М. П. Завитухиной, из статьи «Пазырык древняя самобытная культура алтайских кочевников», опубликованными в журнале «Курьер Юнеско» в январе 1977 года:

— Мастерство исполнения, проявленное алтайскими художниками во всех областях творчества, поражает и по сей день. Оно отработано на протяжении нескольких поколений на основе подлинно народного творчества. Лучшие достижения не были секретом одного или нескольких мастеров.

До сих пор алтайское искусство является одной из вершин композиционного мастерства. Вызывает восхищение виртуозное умение резчиков по дереву, кости и рогу непринужденно располагать любой сюжет в заданную форму украшаемого предмета. Они смело удлиняли или уменьшали части тел животного, гипертрофируя головы, перекручивали передние, задние части тел. Древние алтайские скульпторы одинаково успешно владели всеми жанрами, от плоского рельефа, резного рисунка до объемных фигур...

Раскопки оледенелых курганов Горного Алтая открыли древнюю самобытную культуру алтайских кочевников, которая, безусловно, оказала большое влияние на все искусство скифского мира.

Произведения алтайских мастеров вошли в сокровищницу шедевров мирового искусства.

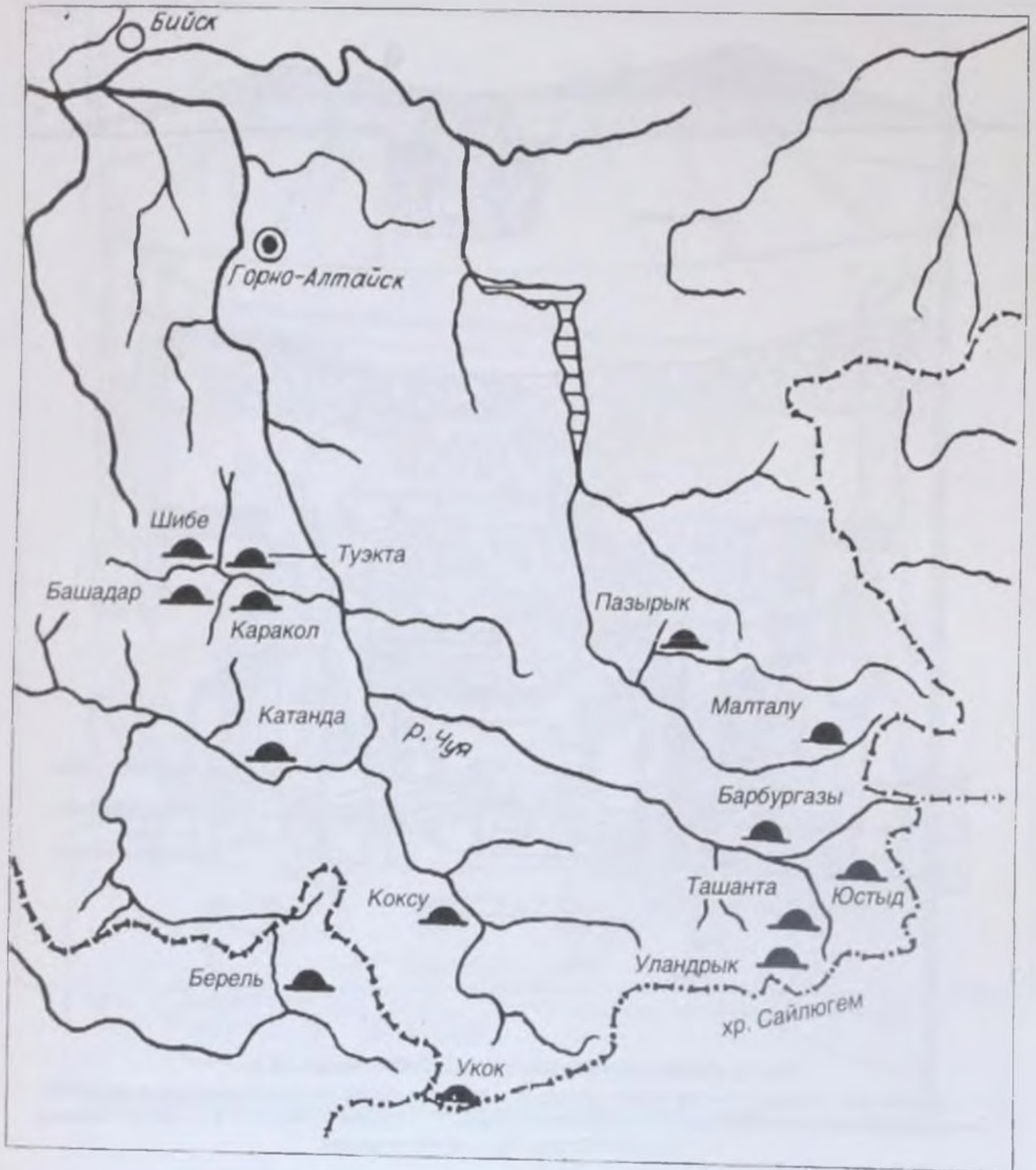

Рис. 1. Карта-схема распространения памятников пазырыкской культуры на Алтае

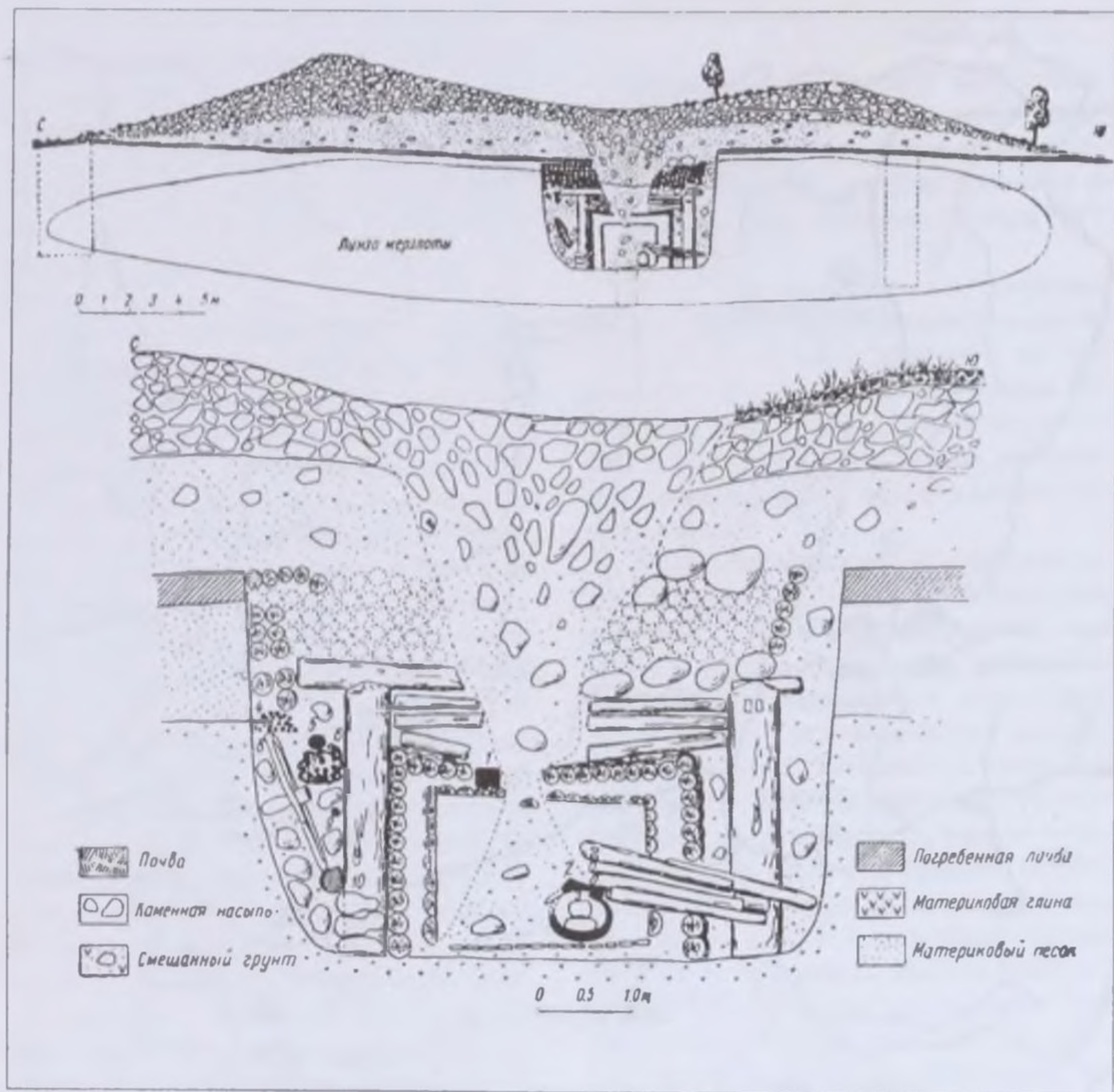

Рис. 2. Разрез кургана и могильной ямы. Пазырык 5.

- 1 — подушка для сиденья; 2 — саркофаг-колода; 3 — мумифицированные тела женщины и мужчины; 4 — жерди от телеги; 5 — лестница; 6 — войлочный ковер; 7 — древки от повозок; 8 — колесо повозки; 9 — дышло повозки; 10 — трупы лошадей.

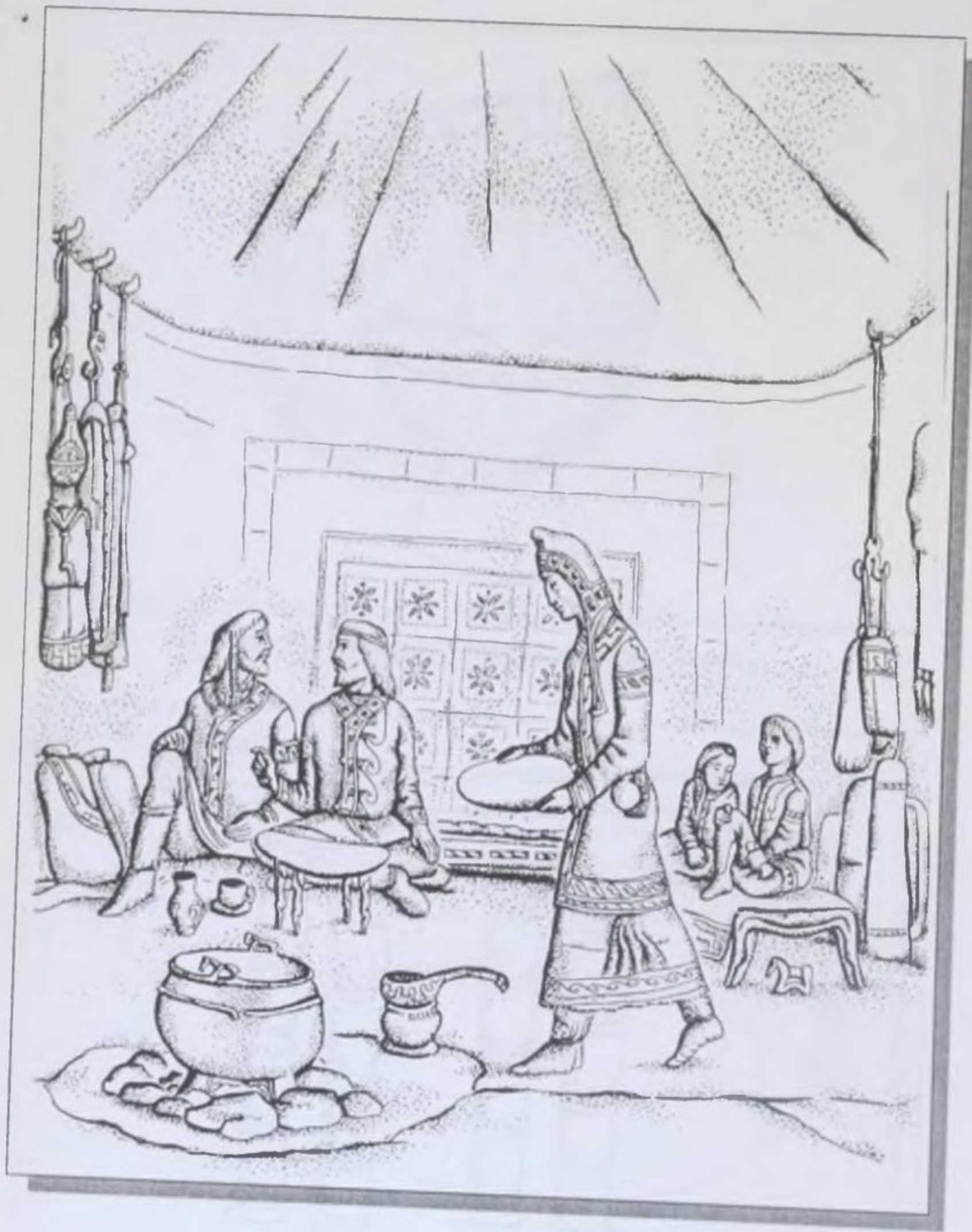

Рис. 3. Беседа у очага. Рисунок С. Дыкова

Рис. 4. Бронзовый котел. Семинский перевал.

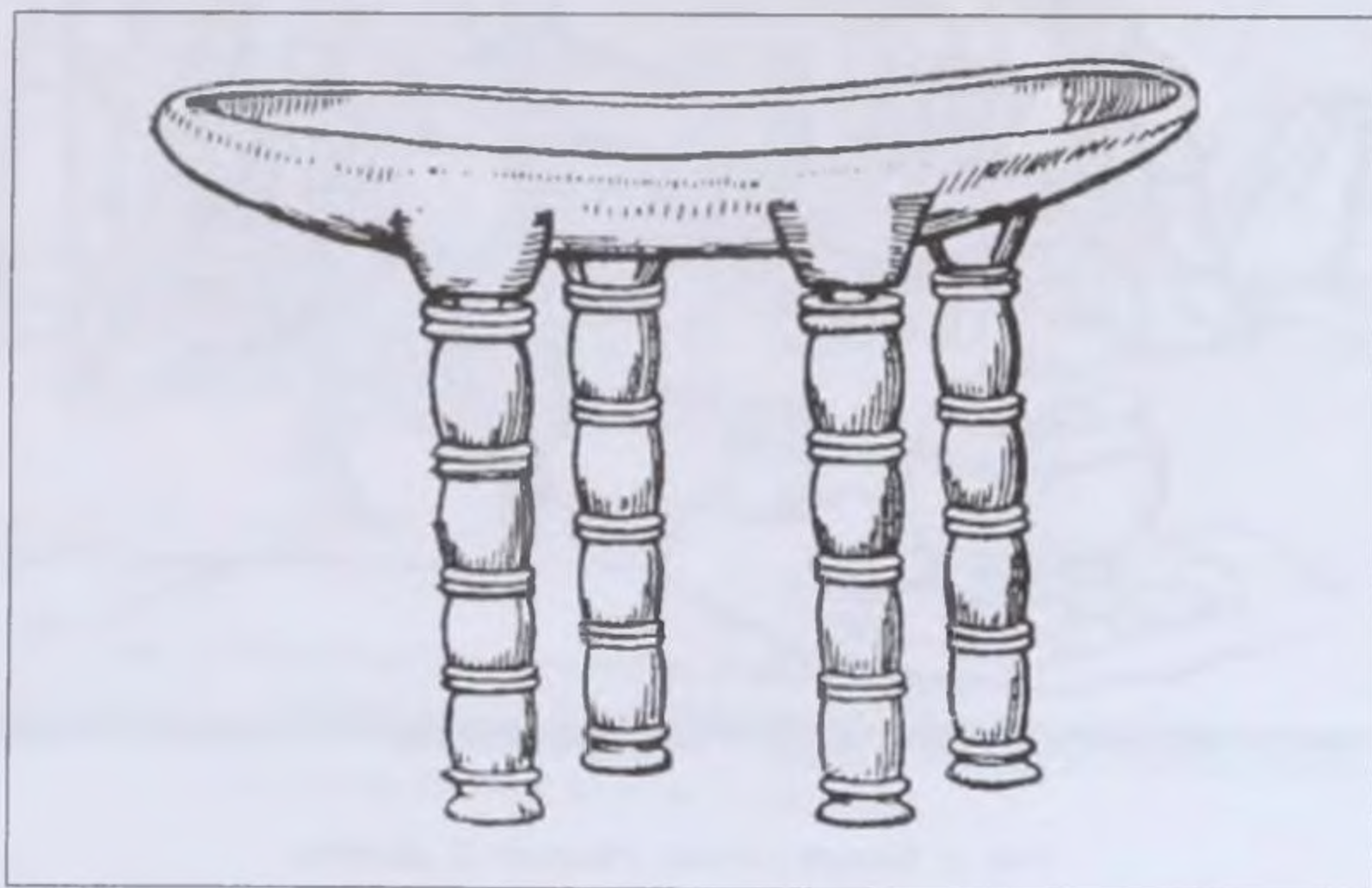

Рис. 5. Столик-тепши (блюдо). Пазырык 3.

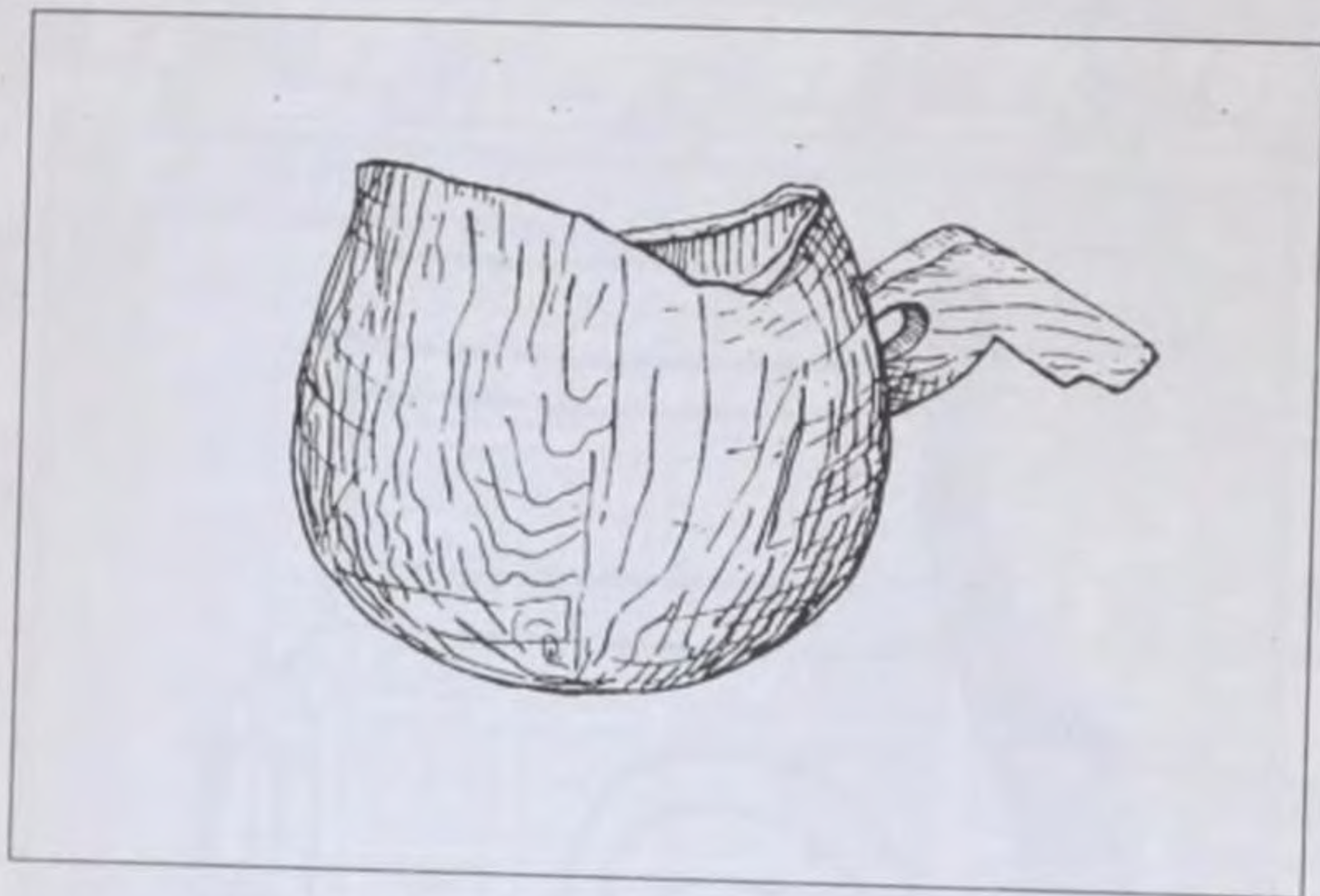

Рис. 6. Деревянный ковш. Курган 1. Уландрык 4.

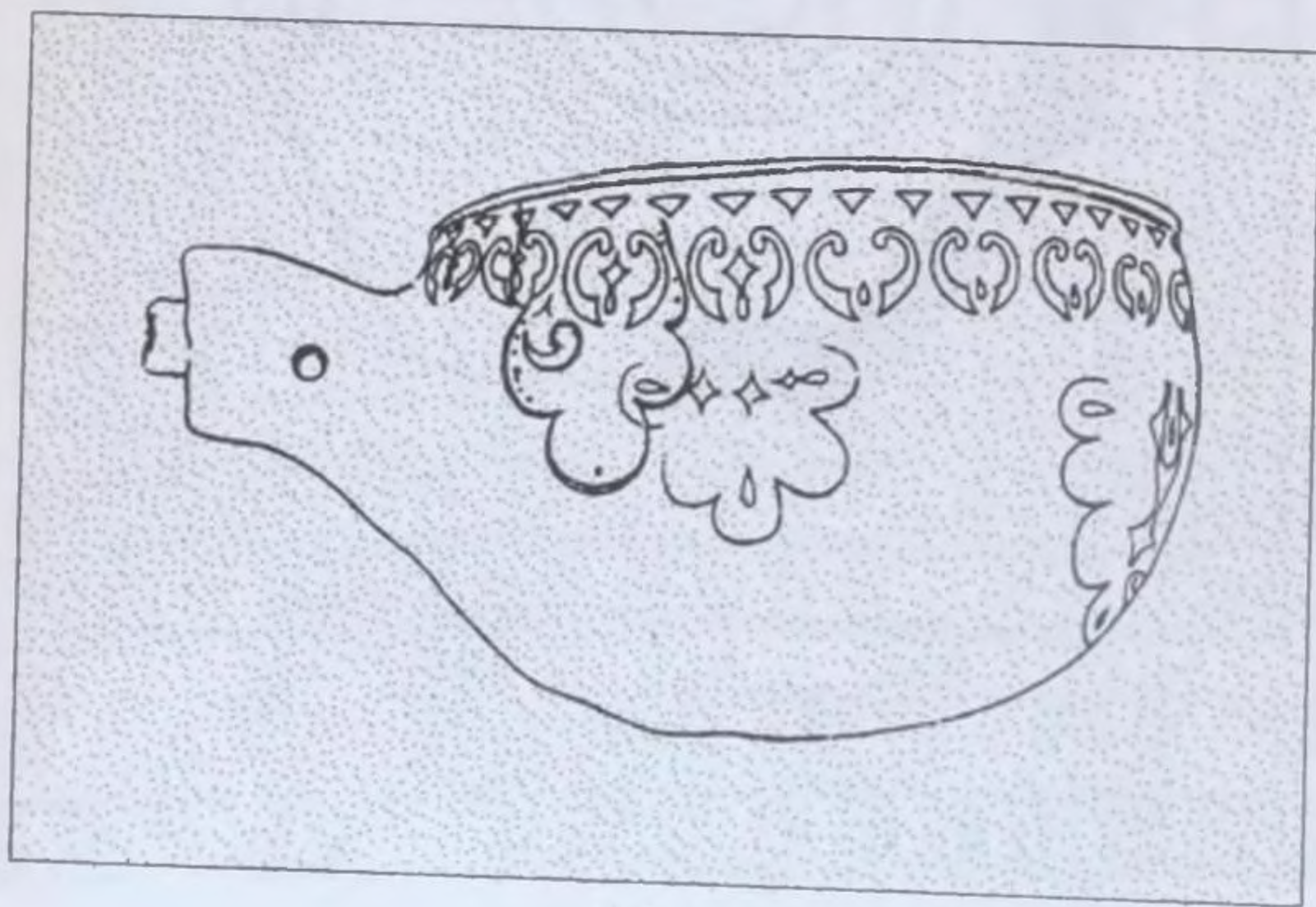

Рис. 7. Деревянный сосуд. Туекта 1.

Рис. 8. Керамический горшок. Курган 7. Юстыд I.

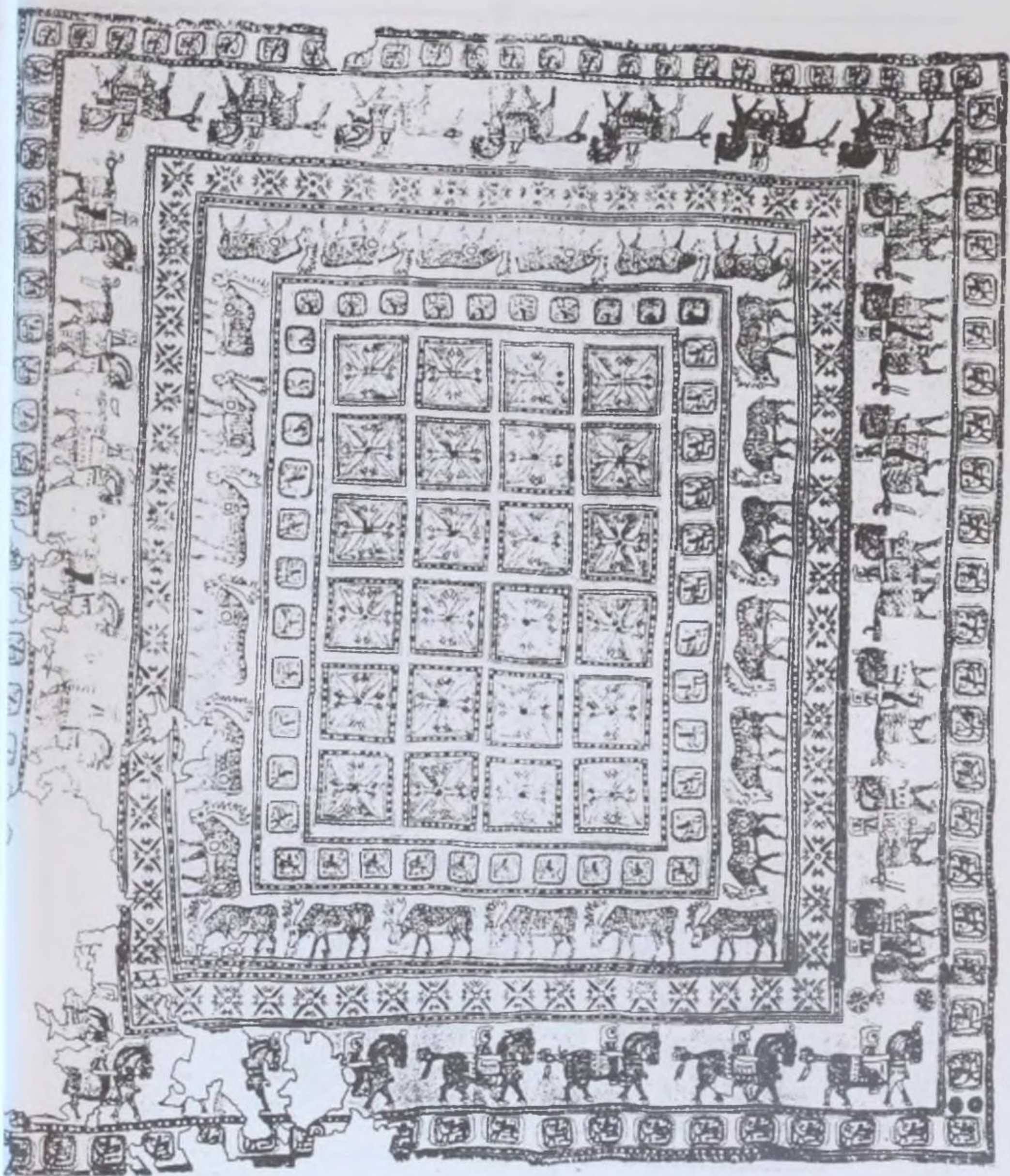

Рис. 9. Ворсовый стриженный ковер. Пазырык 5.

Рис. 10. Зеркало. Пазырык 6.

Рис. 11. Зеркало с изображением хищника, оленей, кабана. Курган 16. Юстыд 12.

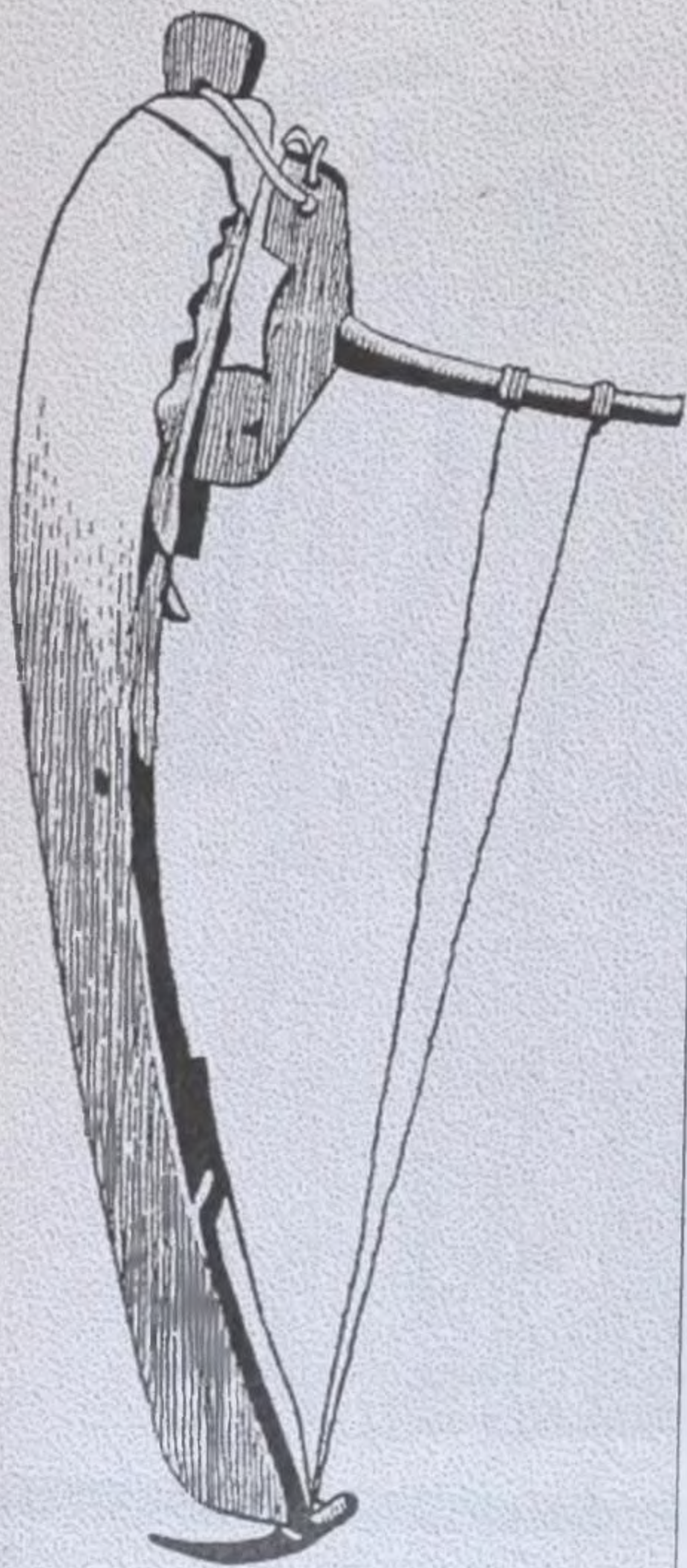

Рис. 12. Музыкальный инструмент
типа арфы. Пазырык 2.

Рис. 13. Односторонний роговой
барабан. Пазырык 2.

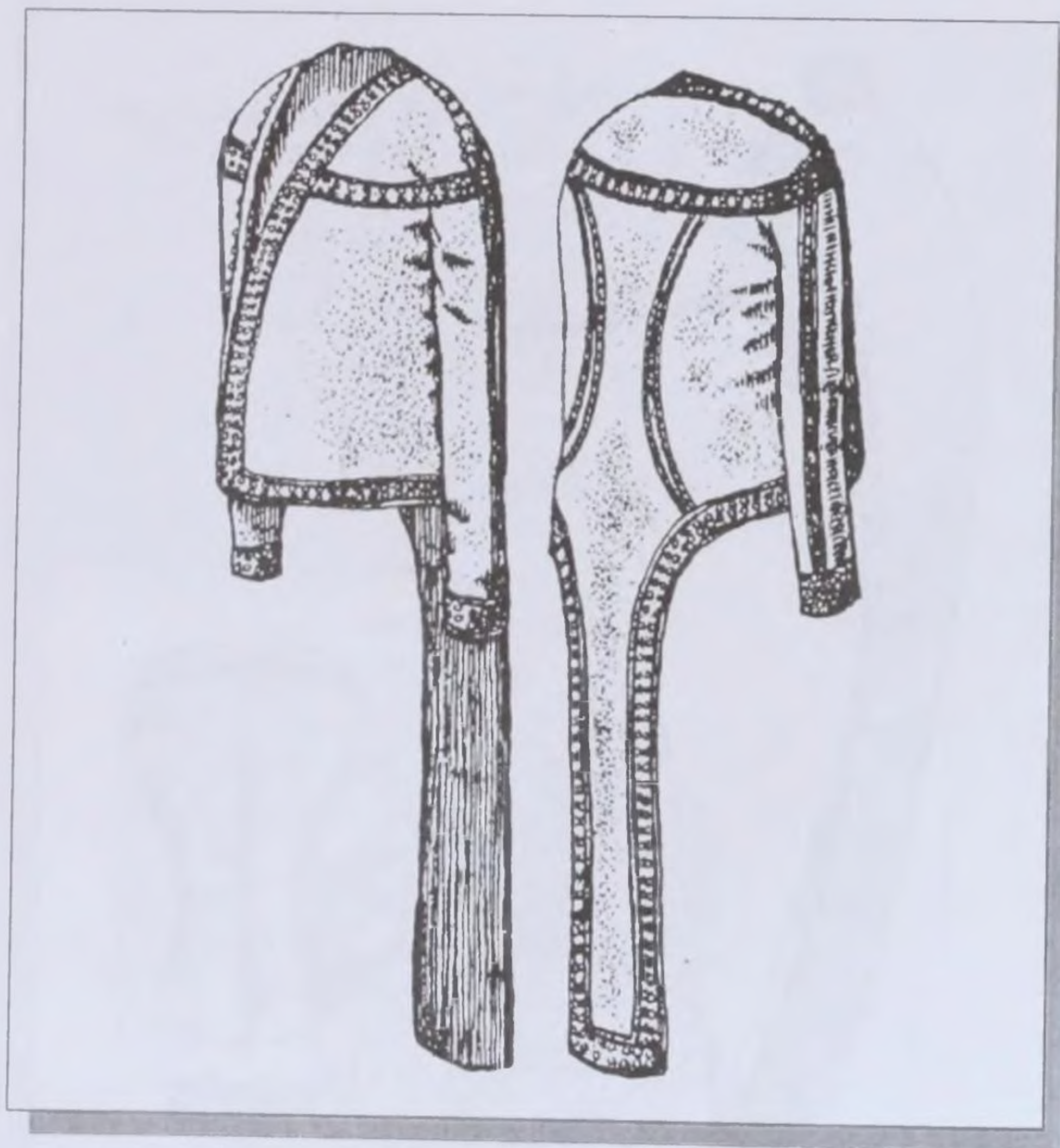

Рис. 14. «Фрак». Катанда.

Рис. 5. Мужской кафтан. Катанда.

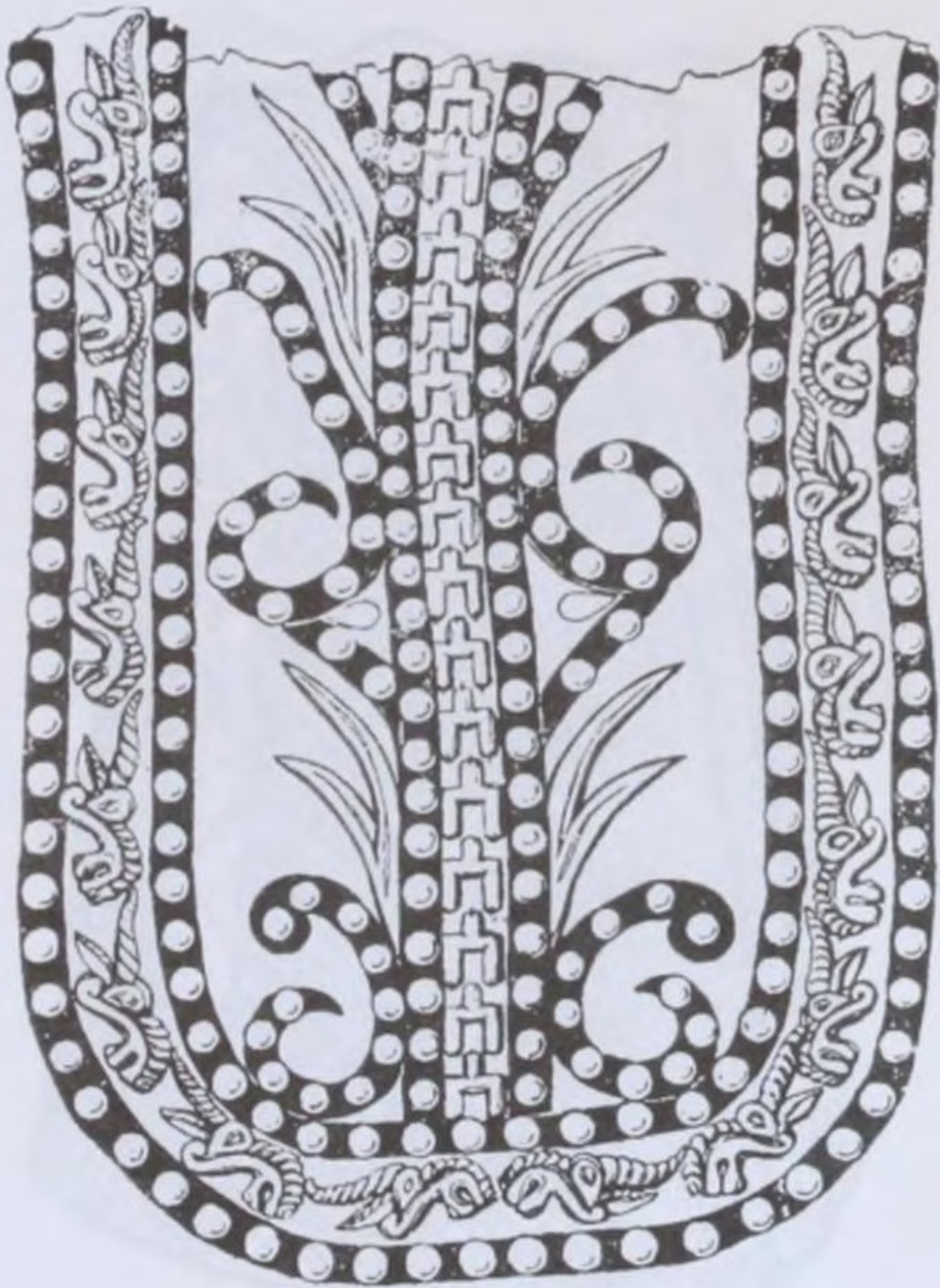

Рис. 16. Детский нагрудник. Пахзырык 7.

Рис. 17. Женский сапог. Пазырык 2.

Рис. 18. Реконструкция головного убора мужчины. Курган 1. Ак-Алаха I.

Рис. 19. Деревянная диадема с изображением верблюдов. Курган 1. Уландрык I.

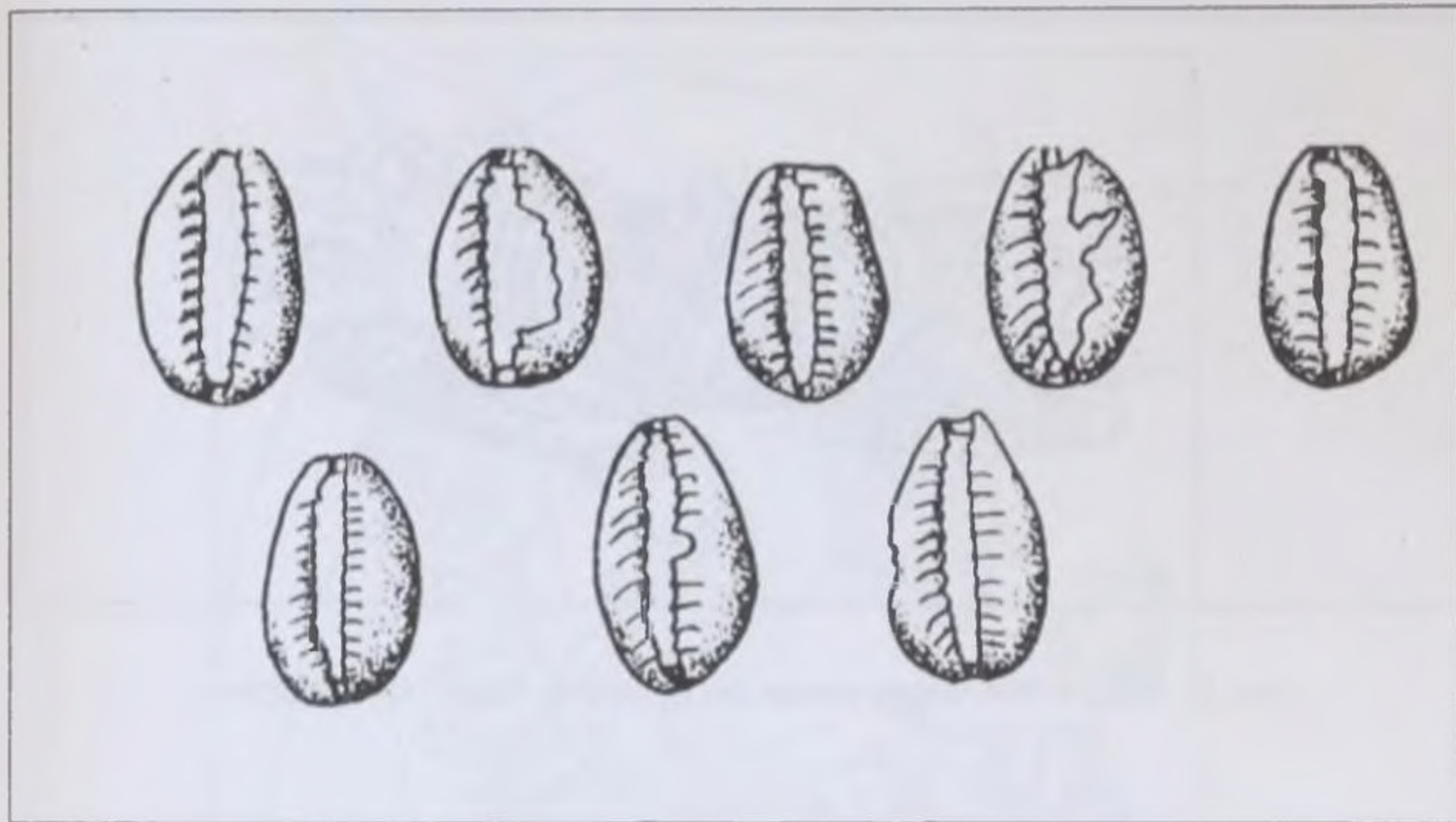

Рис. 20. Раковины каури. Курган
12. Юстыд 12.

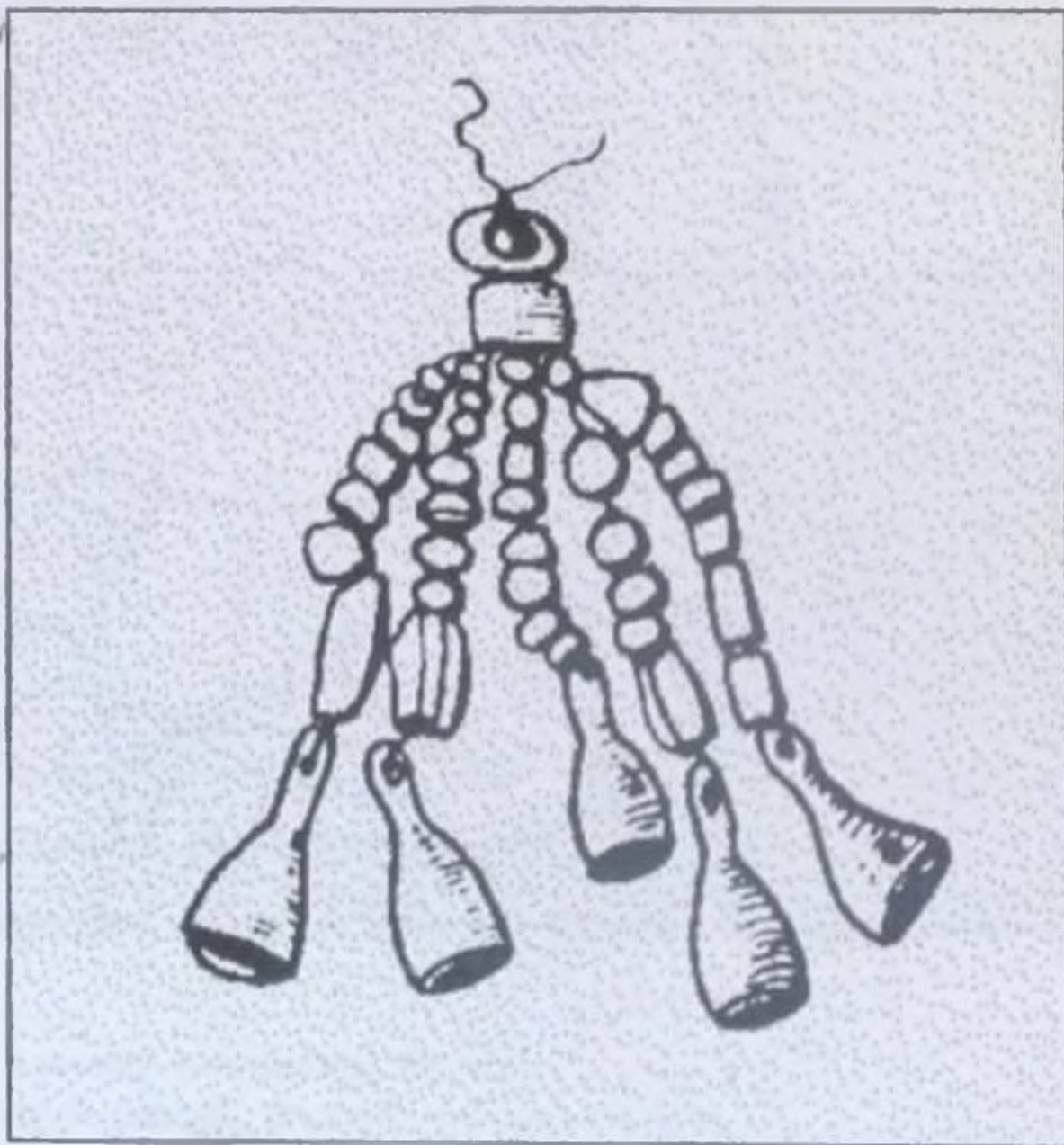

Рис. 21. Связка бус из кости, камня,
обломков бронзовых зеркал и
колокольчиков.
Курган 17. Юстыд 12.

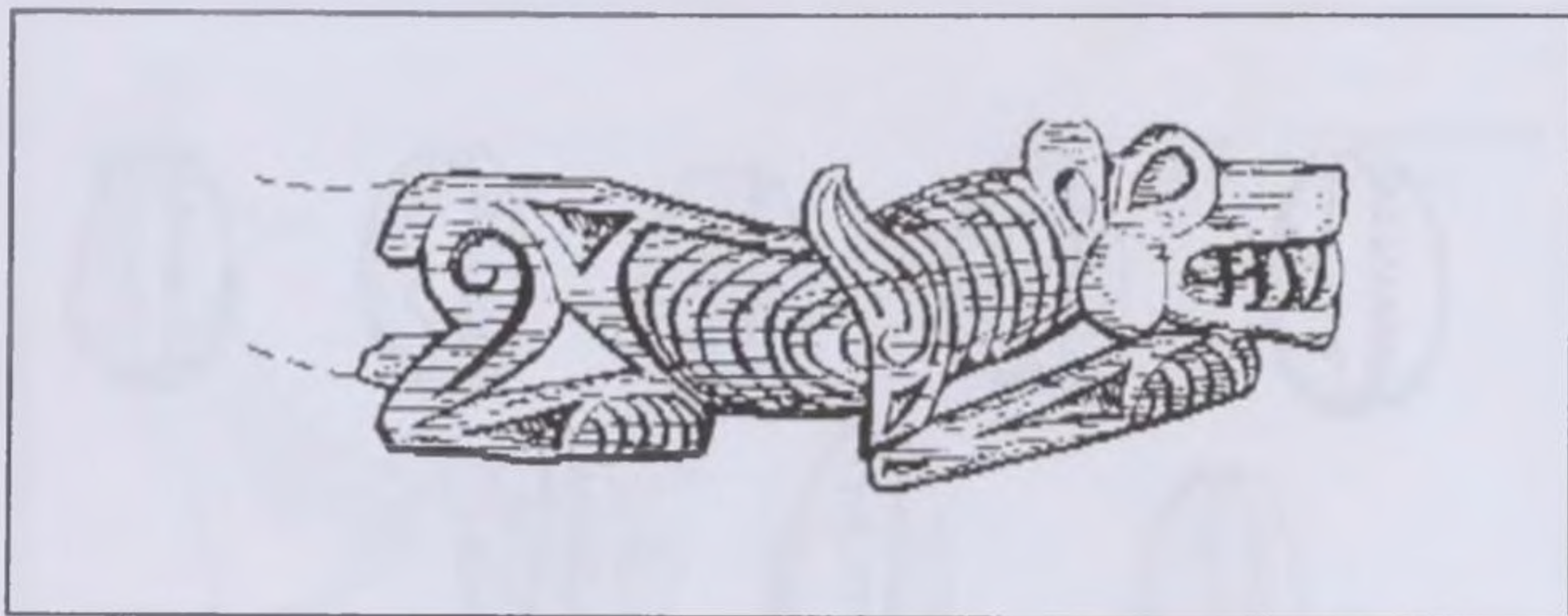

Рис. 21. Наконечник гривны в виде фигур барсов. Курган 12. Уландрык I.

Рис. 22. Наконечник гривны в виде фантастического грифона. Дерево. Курган 19. Юстыд 12.

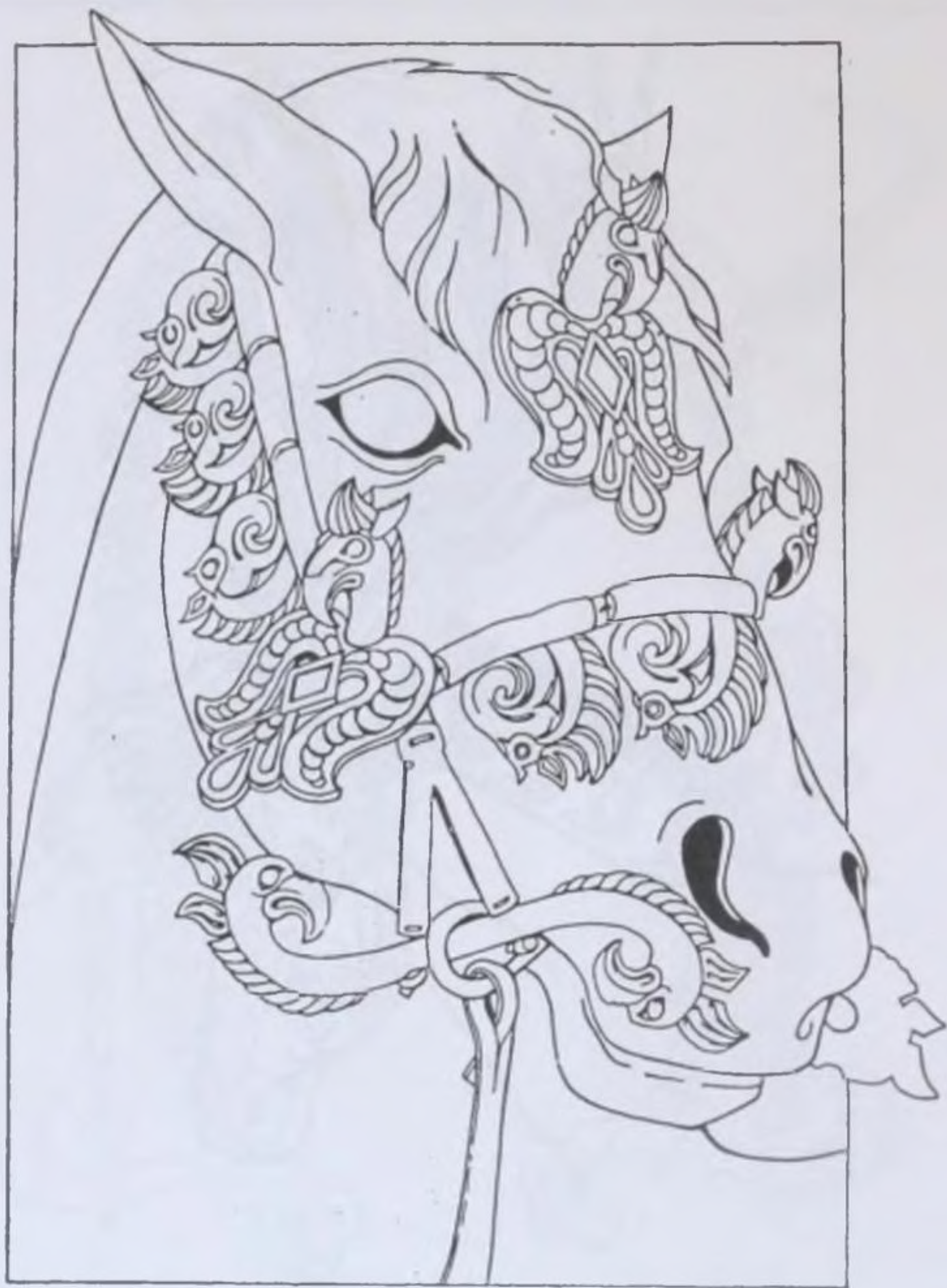

Рис. 23. Реконструкция деревянных украшений упряжи. Курган 1. Ак-Алаха 1.

Рис. 24. Маска с головы лошади. Пазырык 5.

Рис. 25. Узда. Пазырык 2.

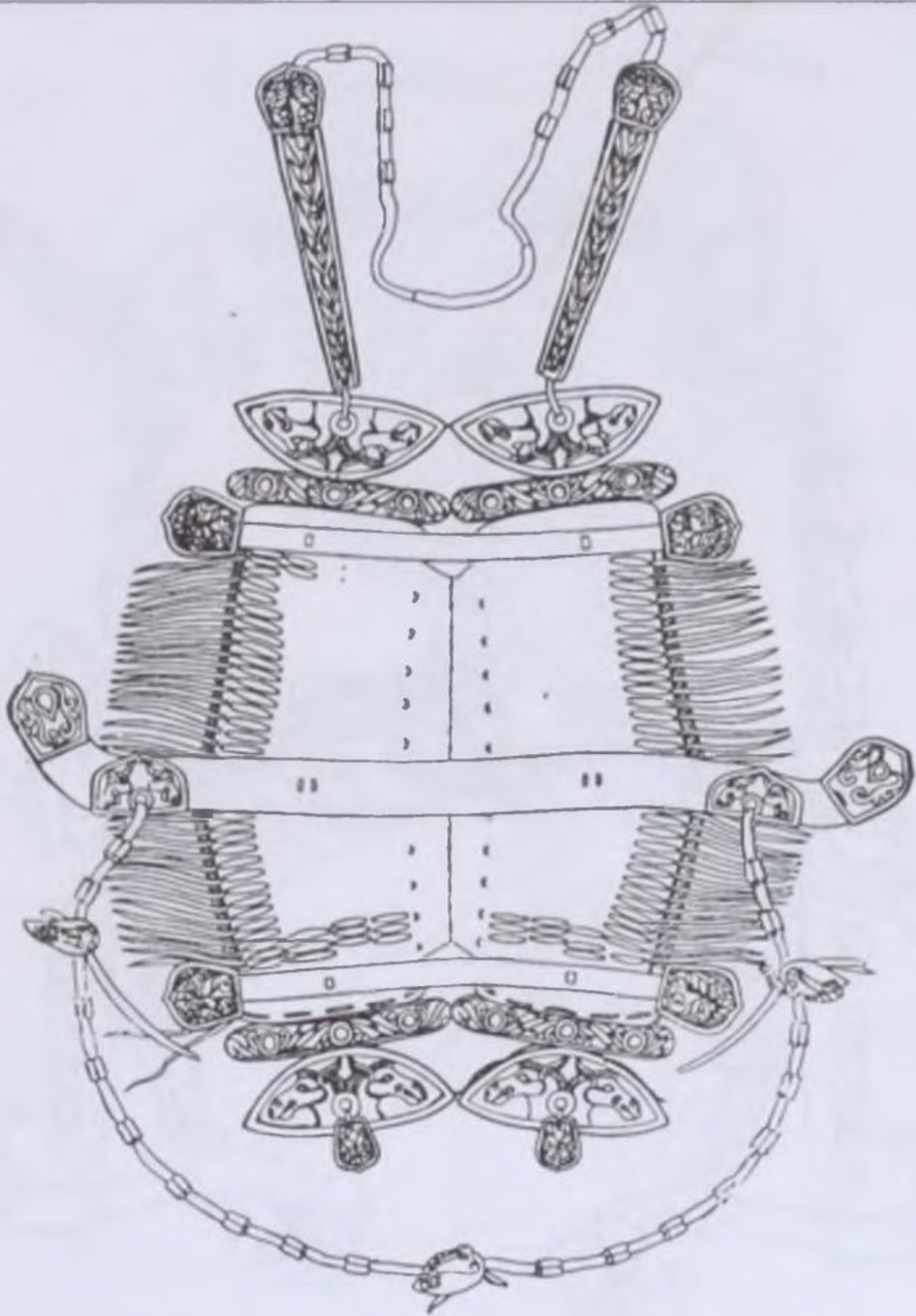

Рис. 26. Седло (в развернутом виде). Пазырык 5.

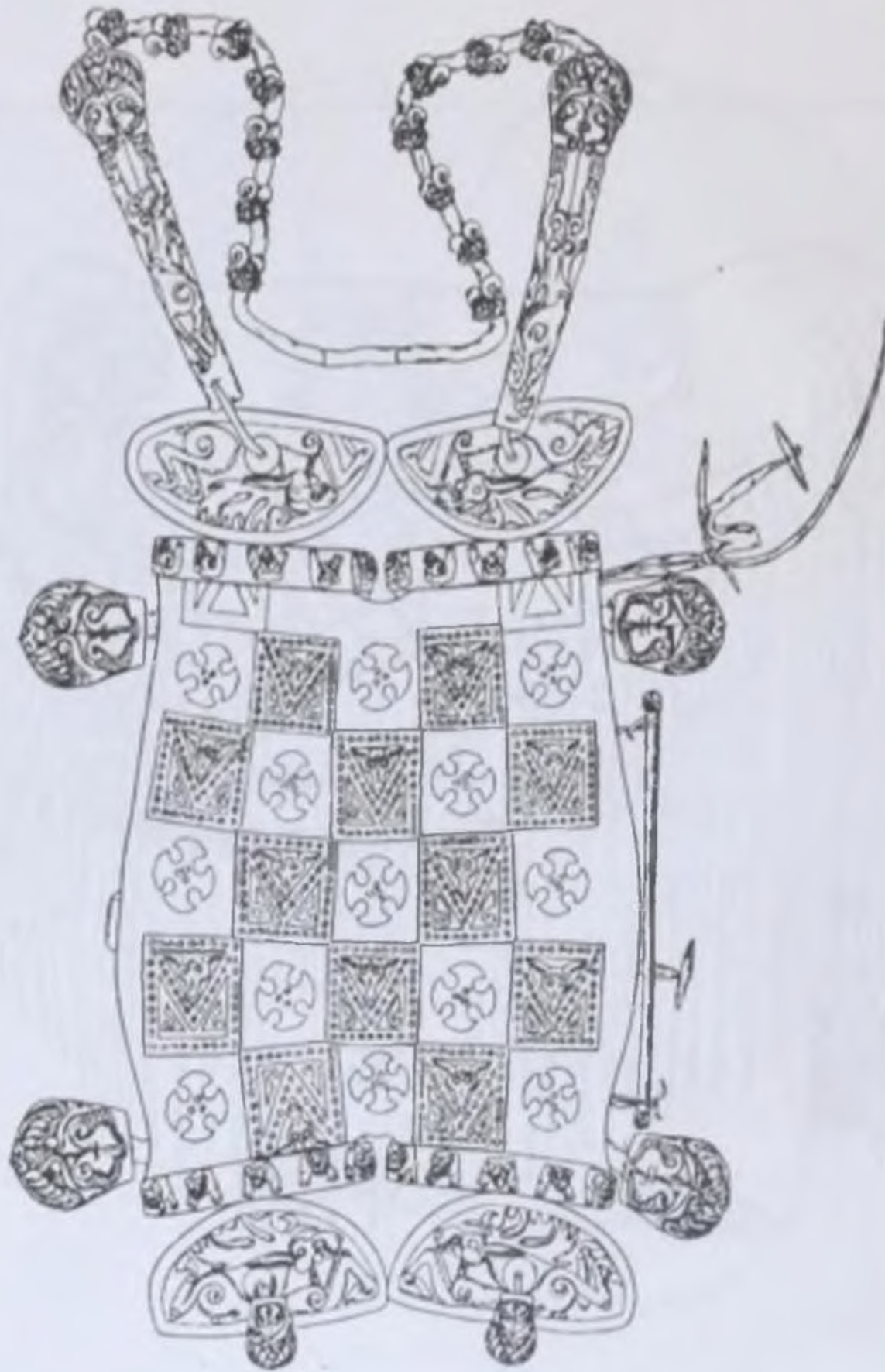

Рис. 27. Седло (в развернутом виде). Пазырык 5.

Рис. 28. Седло. Пазырык 1.

Рис. 29. Седло. Пазырык 2.

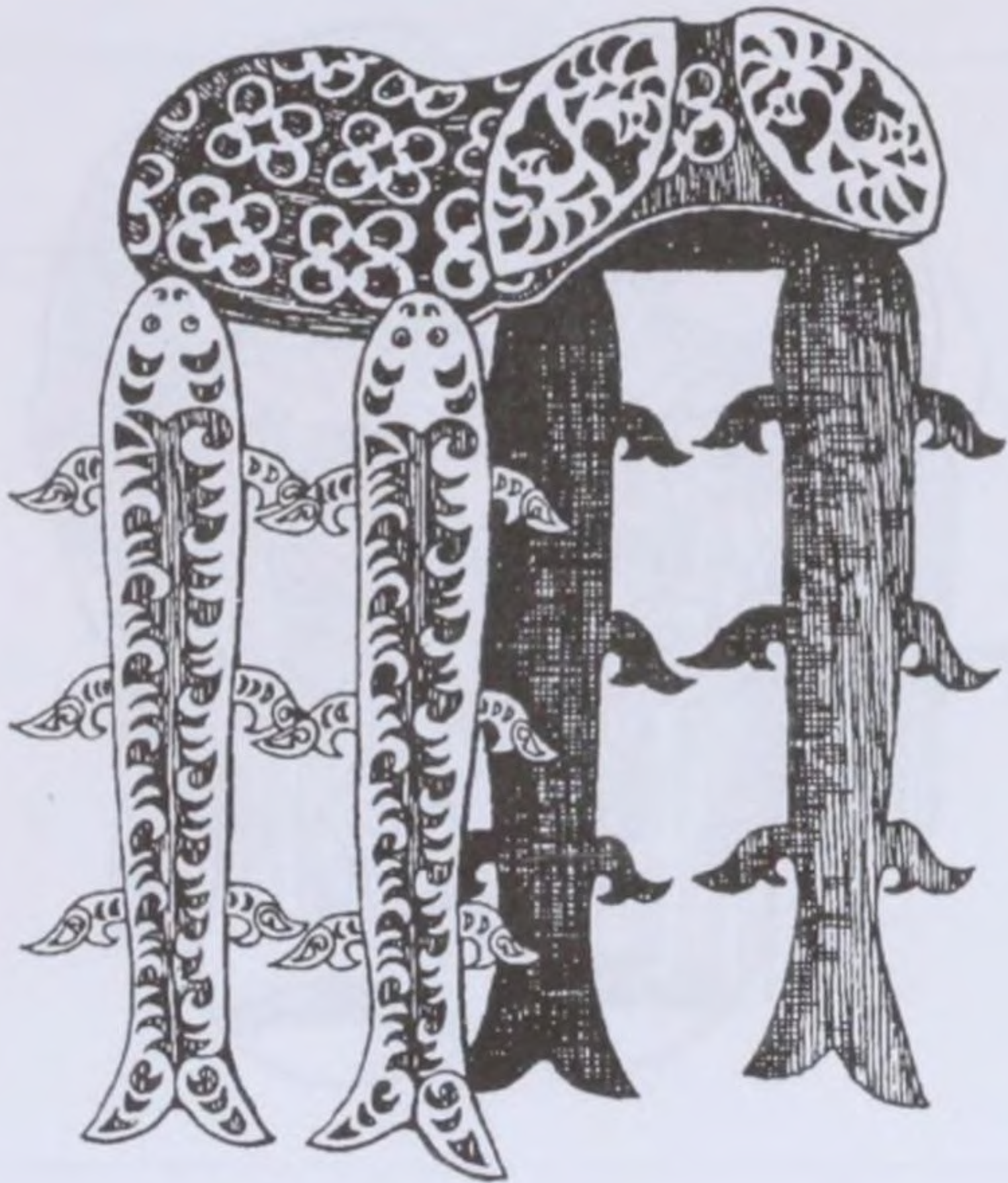

Рис. 30. Реконструкция войлочного покрытия седла. Курган 1. Ак-Алаха I.

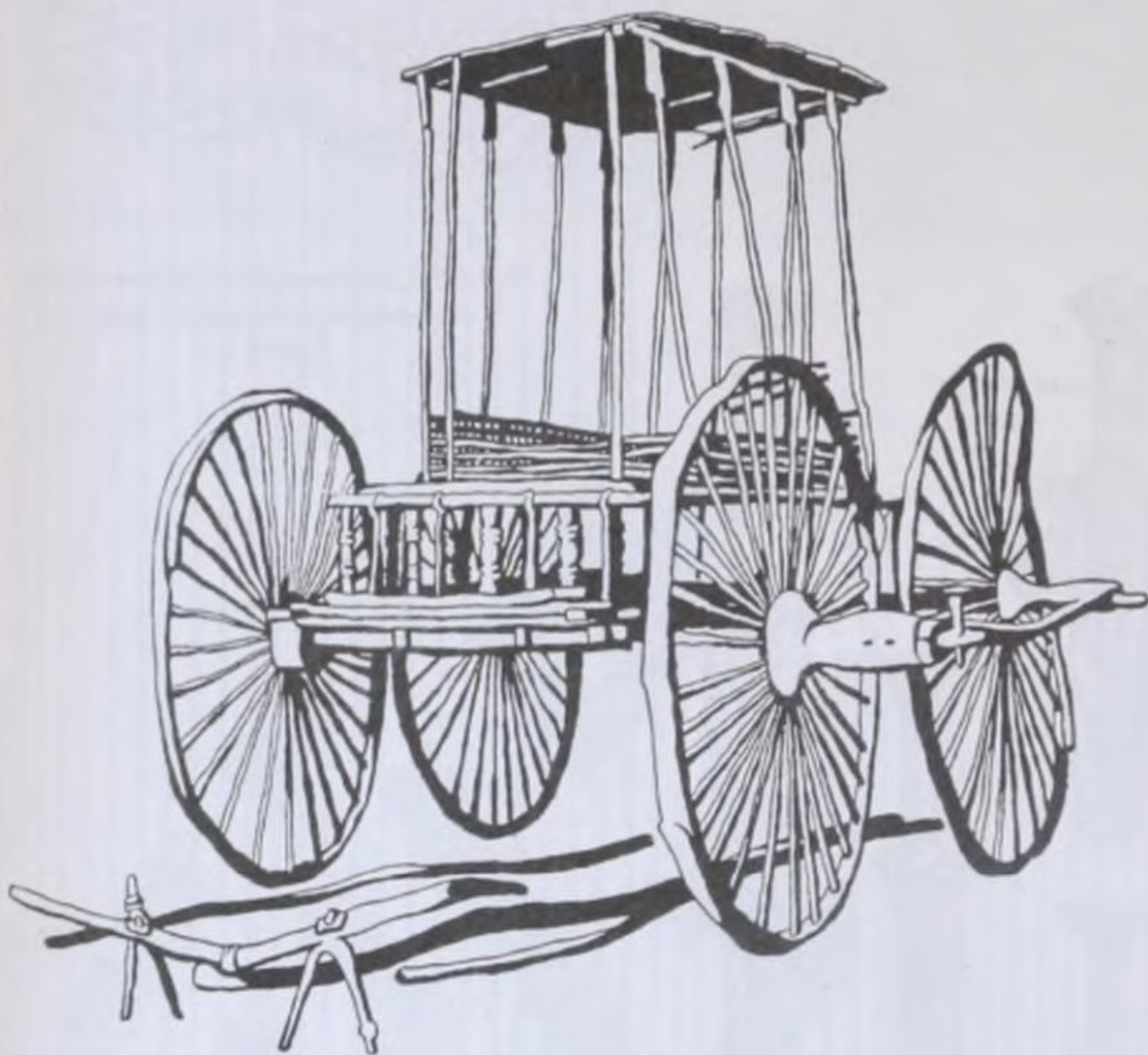

Рис. 31. Колесница. Пазырык 5.

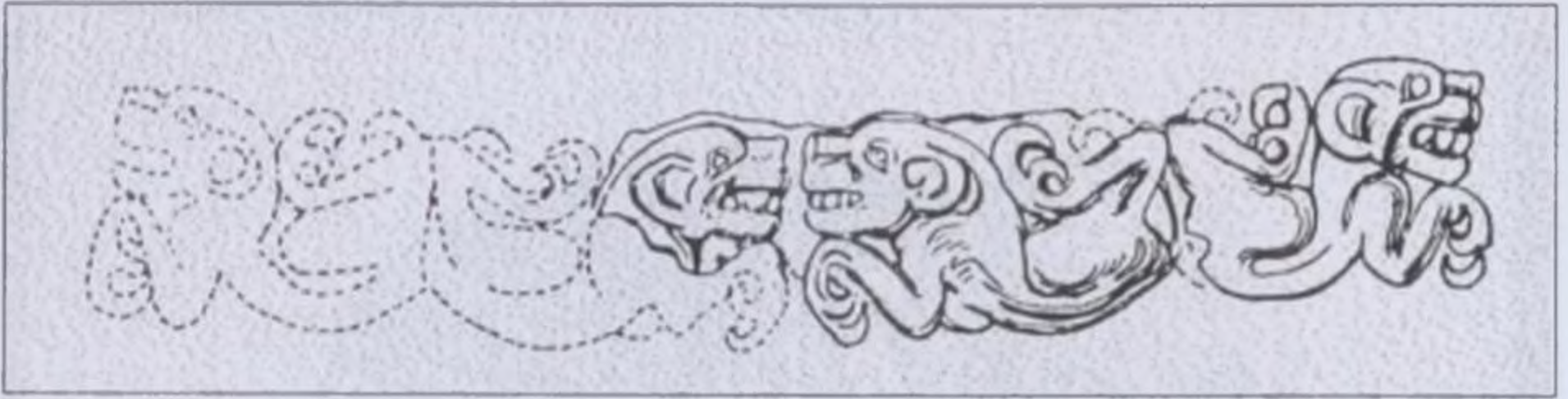

Рис. 32. Серебряное украшение ножен кинжала (в развернутом виде).
Тузкта 1.

Рис. 33. Бронзовые кинжалы с деревянными ножнами. Узунтал

Рис. 34. Чекан.
Курган 1.
Уландрык 3.

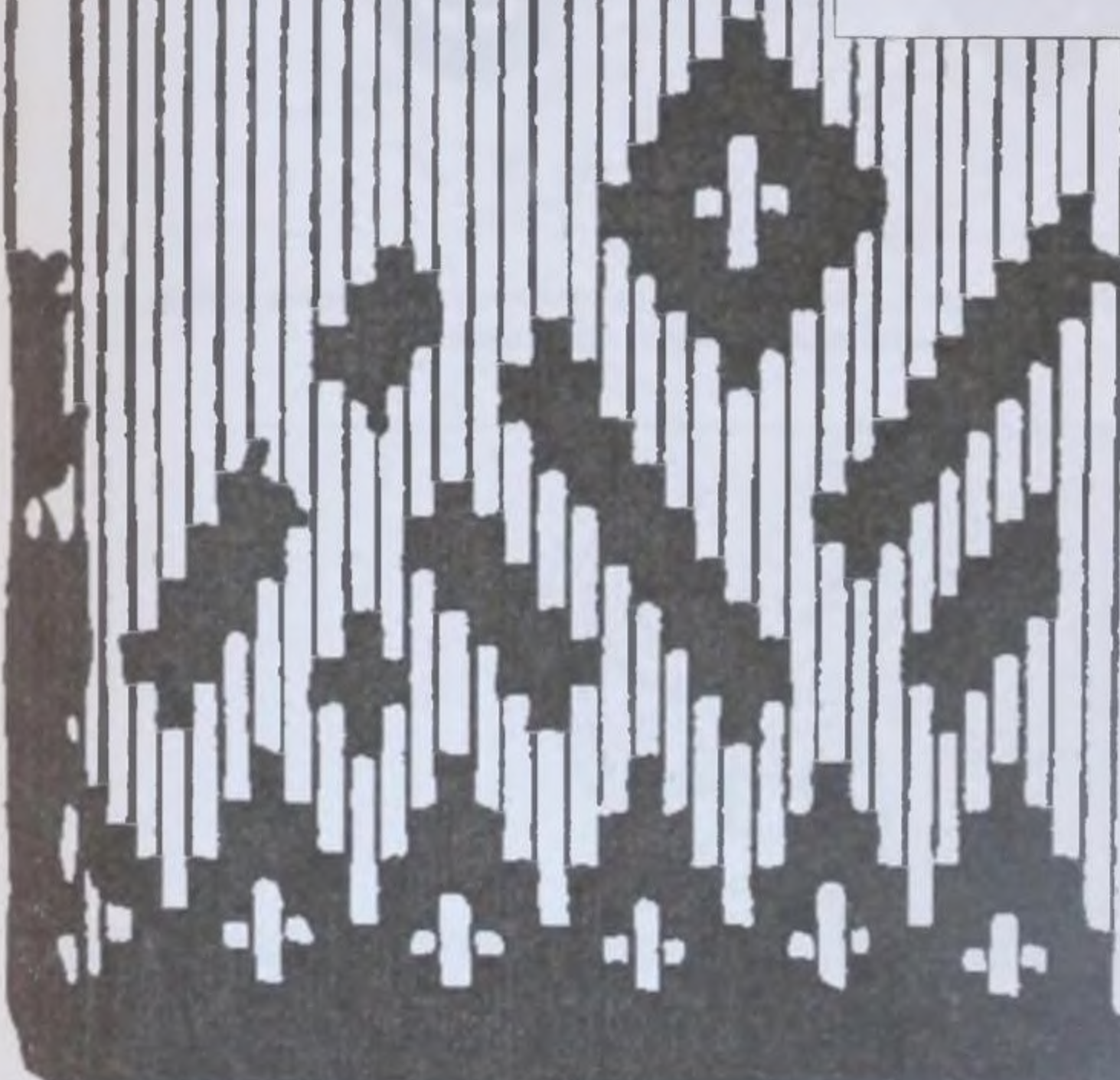

Рис. 35. Щит из кожи и палочек. Туэкта 1.

Рис. 36. Голова. Волосы или головные уборы оформлены в виде цветка лотоса.
Седельные подвески. Кожа. Пазырык 1.

Рис. 37. Рогатая личина. Курган 4. Уландрык 3.

Рис. 38. Изображение сфинкса. Получеловек-полулев. Пазырык 5.

a

b

c

d

e

Рис. 39. Орнаменты, основной мотив которых цветок или бутон лотоса (а—л).
Пазырык 2.

ж

л

е

л

м

о

и

н

г

в

Рис. 40. Орнаменты крестообразные и спирали.
 а—г, е—и, м—п, с — Туэкта 1; д, к, л — Пазырык 5;
 р, т—ф — Башадар2.

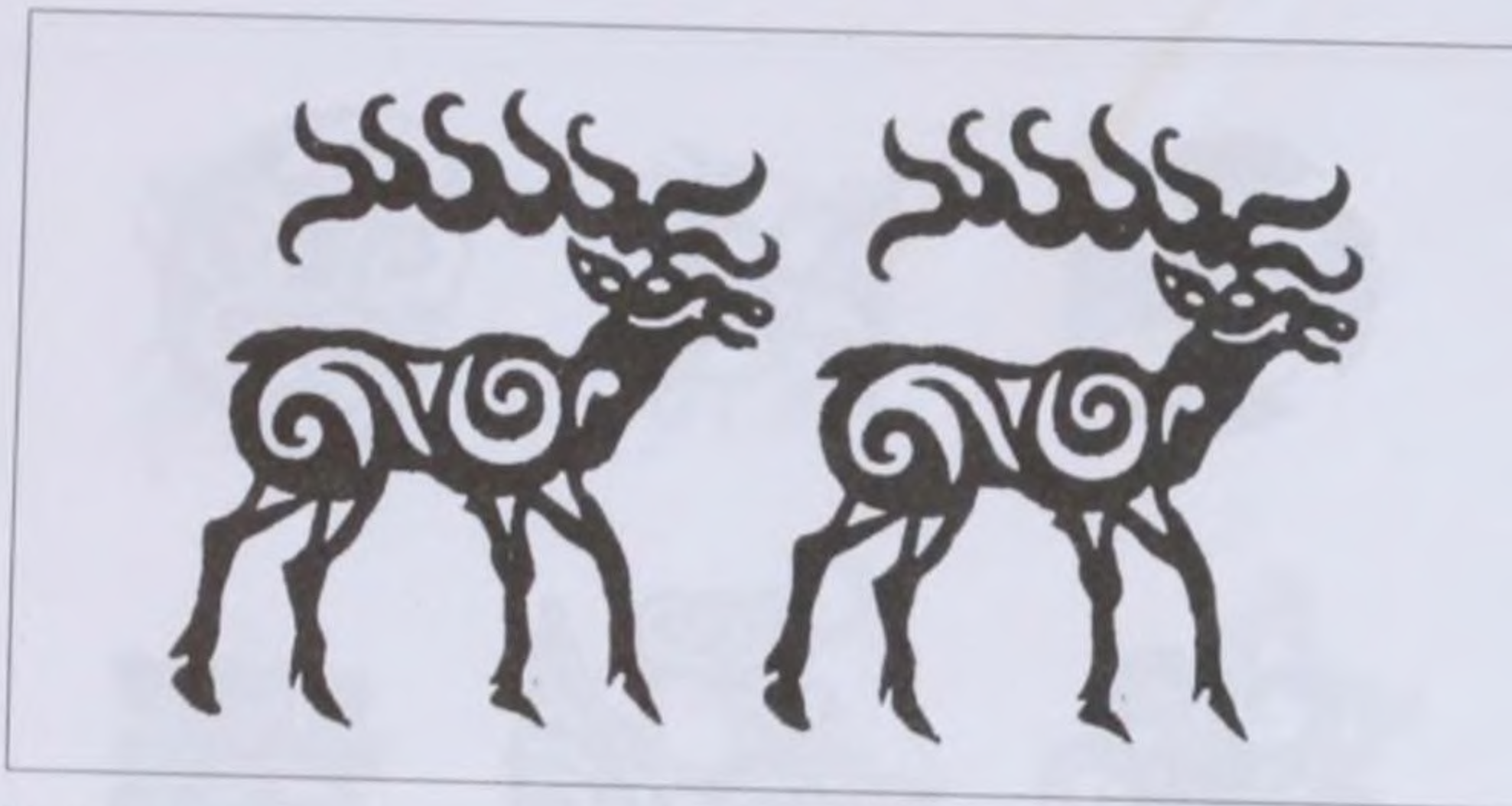

Рис. 41. Олени вырезанные на саркофаге-колоде. Тузкта 2.

Рис. 42. Подвеска конской упряжи. Сайга. Пазырык 5.

Рис. 43. Чубарый олень, найденный на Алтае. Курган в долине Бухтармы.

Рис. 46. Голова барана с раздвоенной гривой. Деревянная подвеска. Пазырык 1.

Рис. 44. Голова барана.
Украшение передней луки седла.
Частично покрыто золотым листом.
Башадар 2.

Рис. 45. Резьба на крышке саркофага-
колоды. Башадар 2.

Рис. 47. Голова барана — украшение седельной
покрышки. Пазырык 1.

Рис. 48. «Крылатый» козел — войлочная аппликация. Курган 1. Ак-Алаха 1.

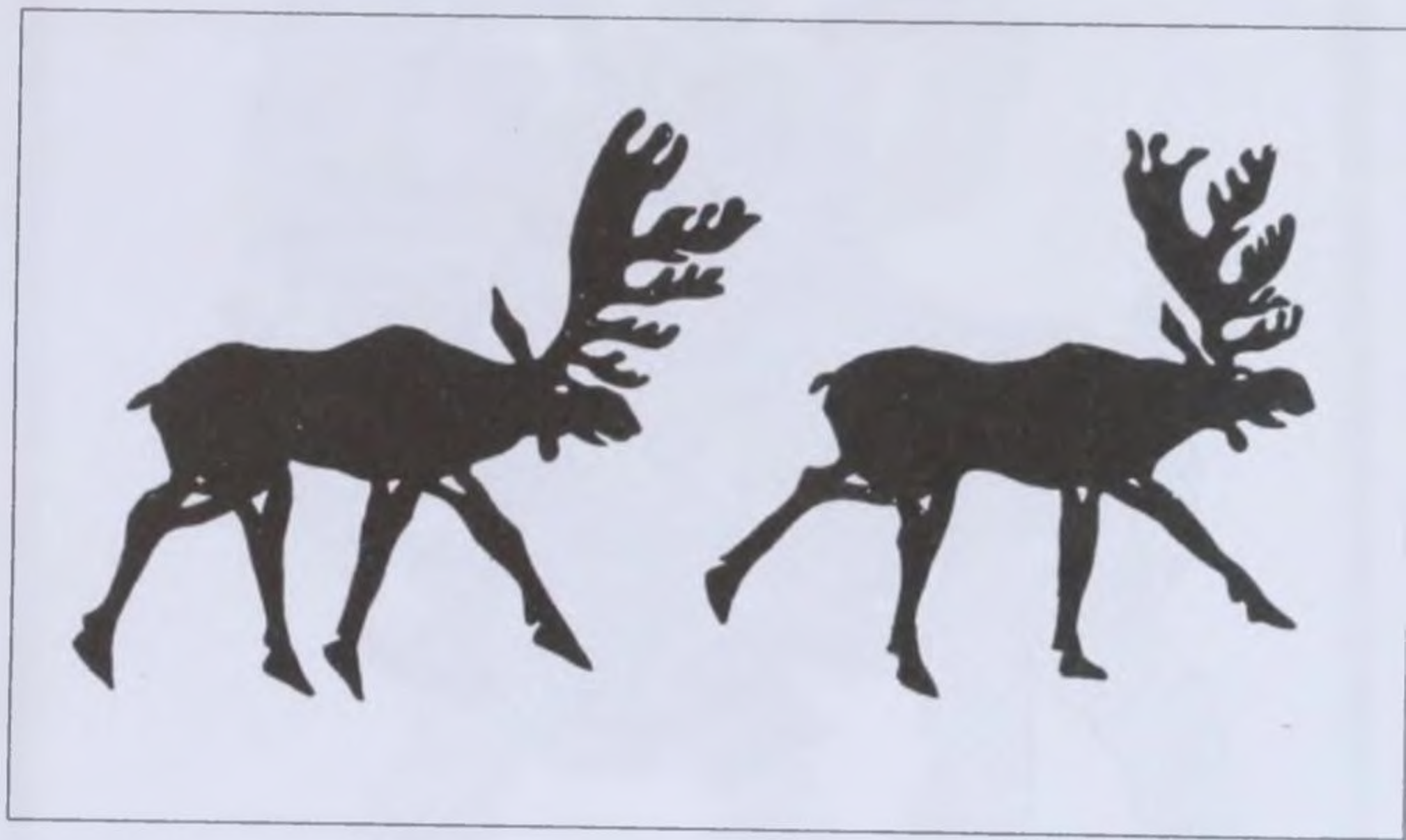

Рис. 49. Лоси на саркофаге-колоде. Пазырык 2.

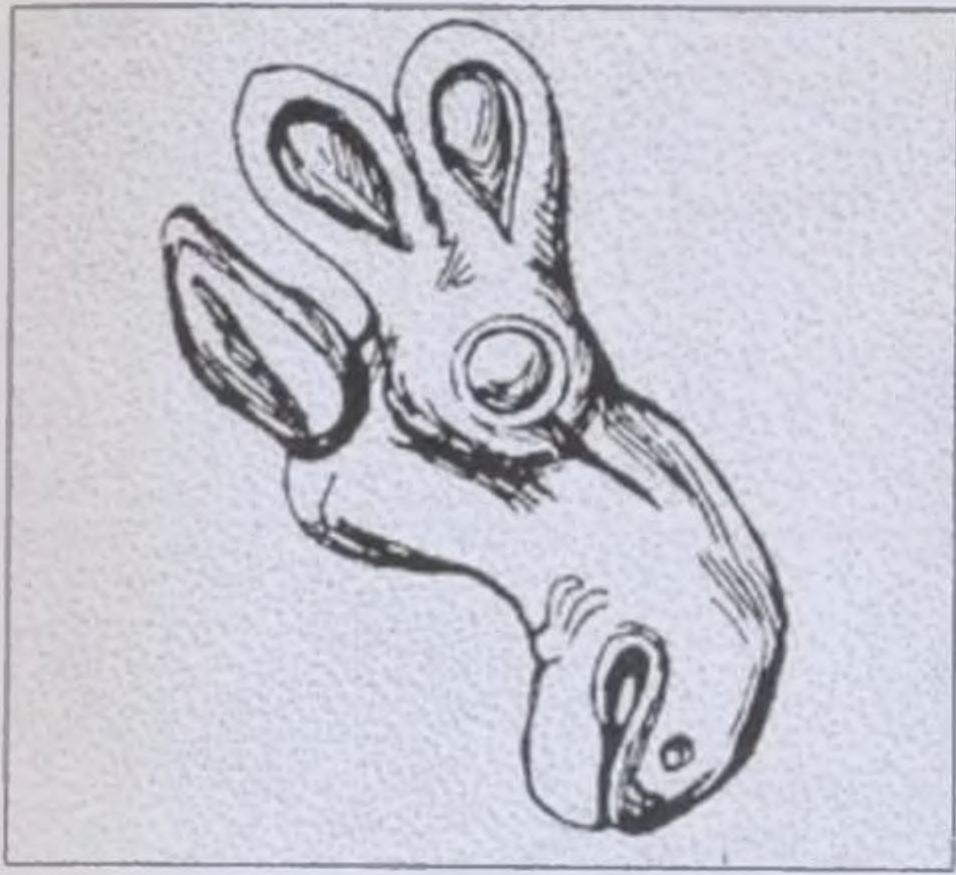

Рис. 50. Голова лося. Деревянная подвеска.
Туэкта 1.

Рис. 51. Голова лося впрямь. Пазырык 5.

Рис. 52. Лось на крыше саркофага-колоды. Башадар 2.

Рис. 53. Вырезанное на деревянной дощечке изображение зайца. Пазырык 3.

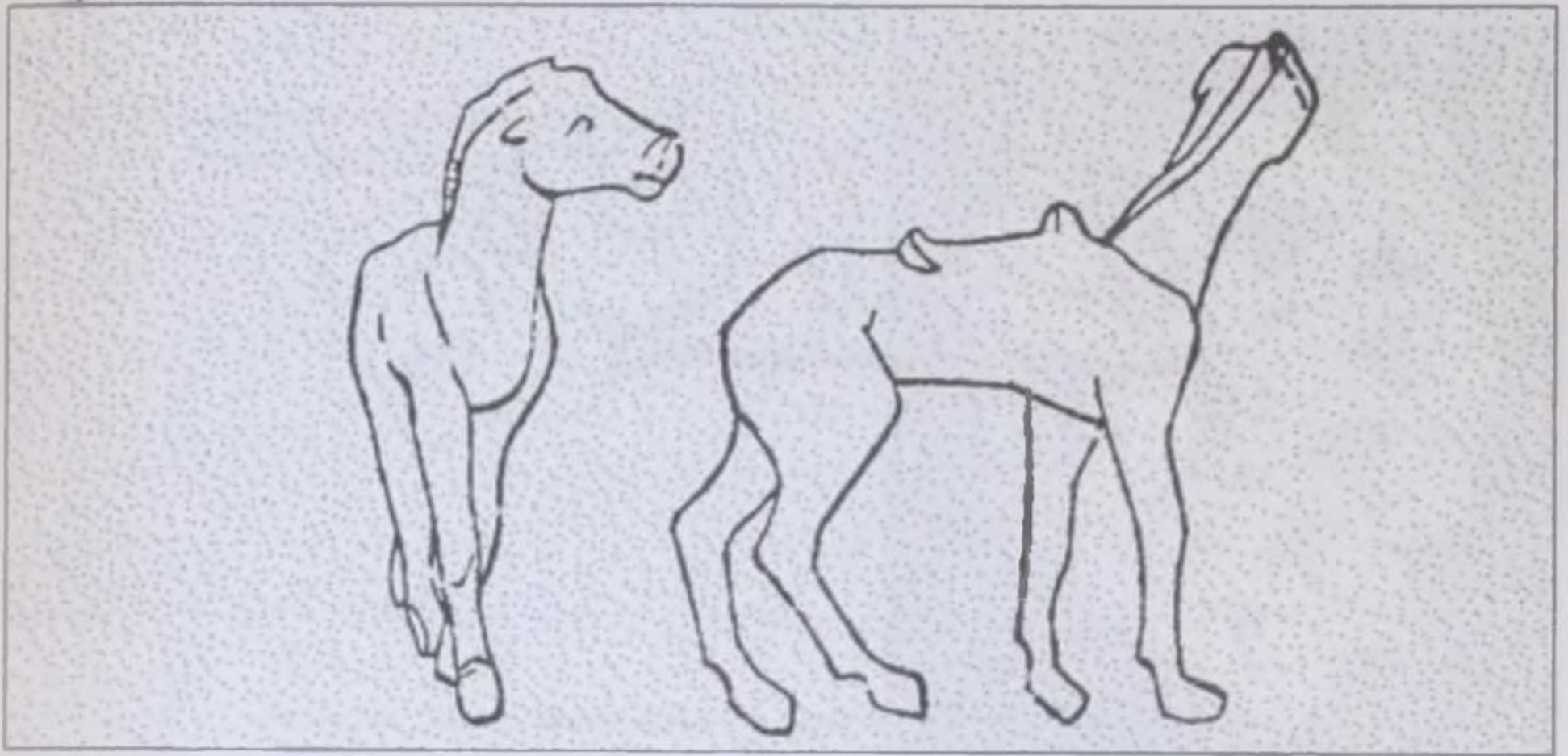

Рис. 54. Скульптура лошади вырезанная из дерева. Катанда.

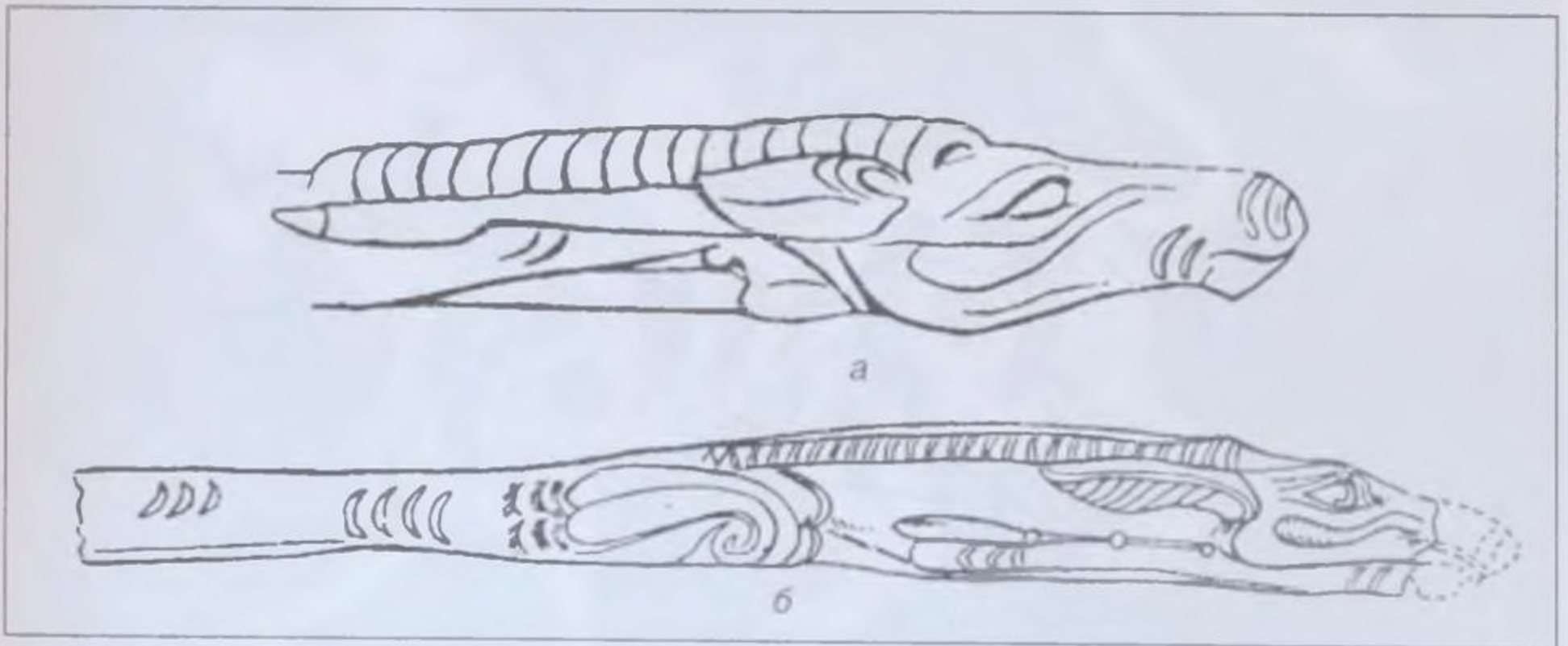

Рис. 55. Рукоятки кнутовищ оформленные в виде лошадей в круглой скульптуре: а) Пазырык 2; б) Пазырык 4.

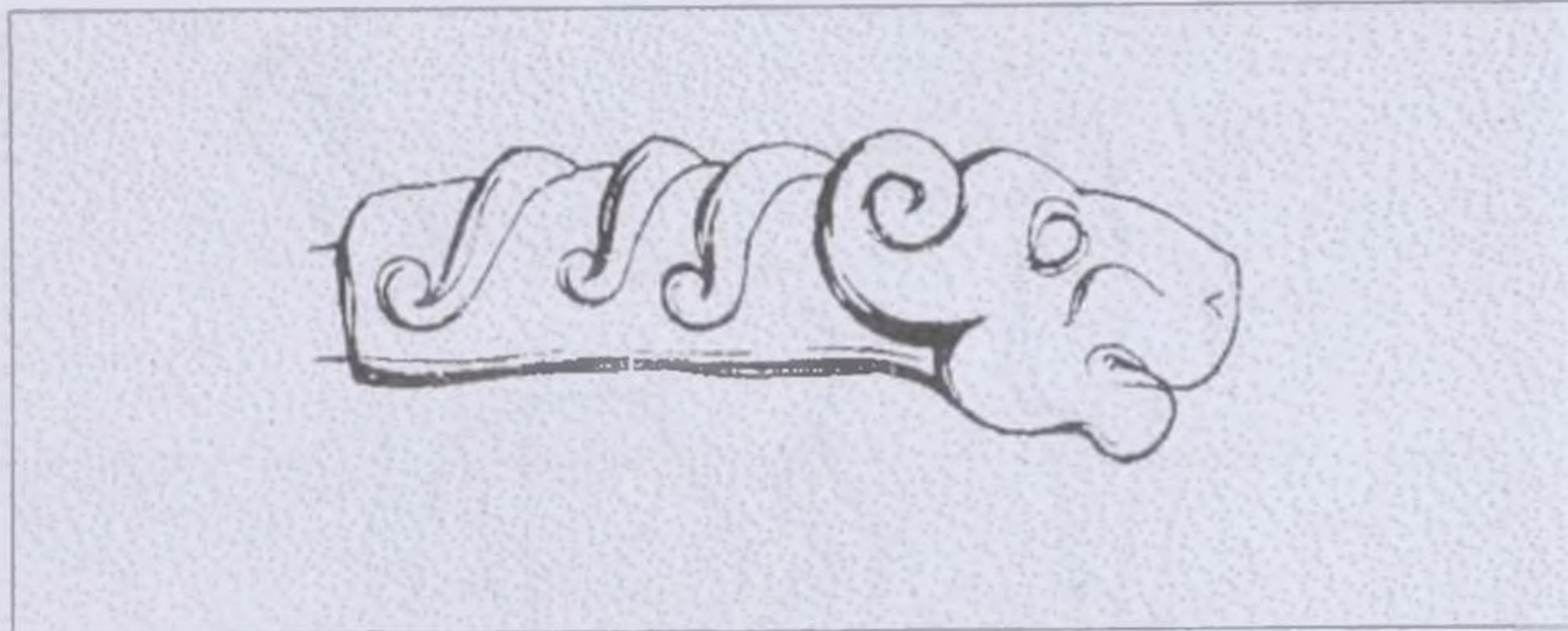

Рис. 56. Львиная голова. украшение шейной гривны. Каракол.

Рис. 57. Изображение льва на седельной покрывке. Пазырык 1.

Рис. 58. Украшение седельной покрывки —
голова льва. Пазырык 1.

Рис. 59. Изображение льва на седельной покрывке. Пазырык 1.

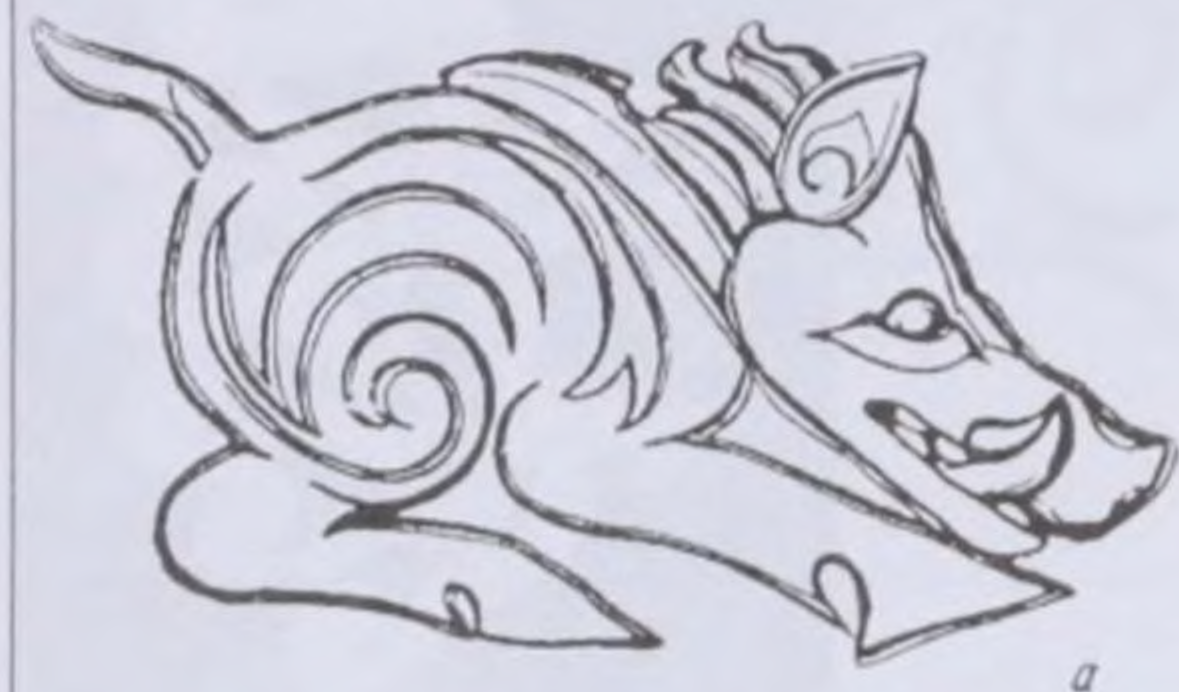

Рис. 60. Изображение кабанов на крышке саркофага-колоды (а, б). Башадар 2.

Рис. 61. Деревянная подвеска в виде головы волка с веткой в пасти. Туэкта 1.

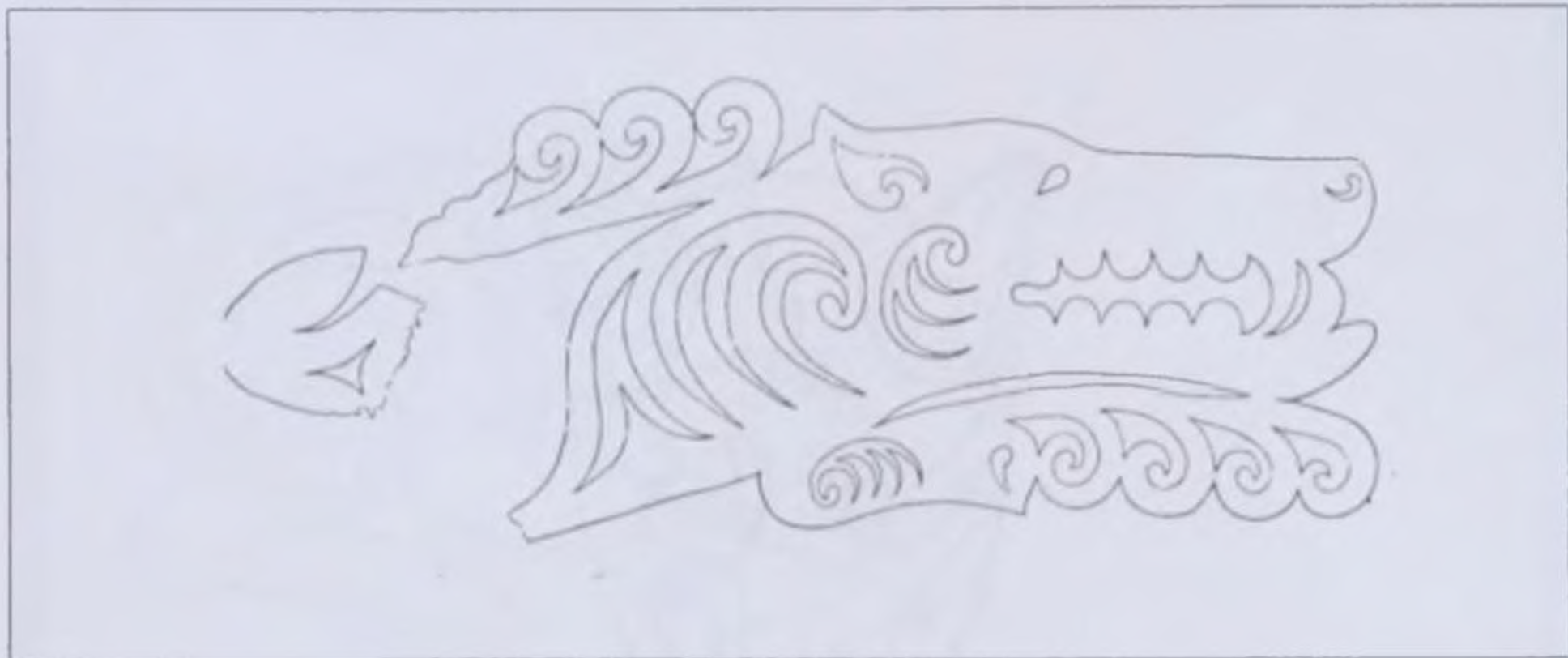

Рис. 62. Седельная войлочная подвеска. Башадар 2.

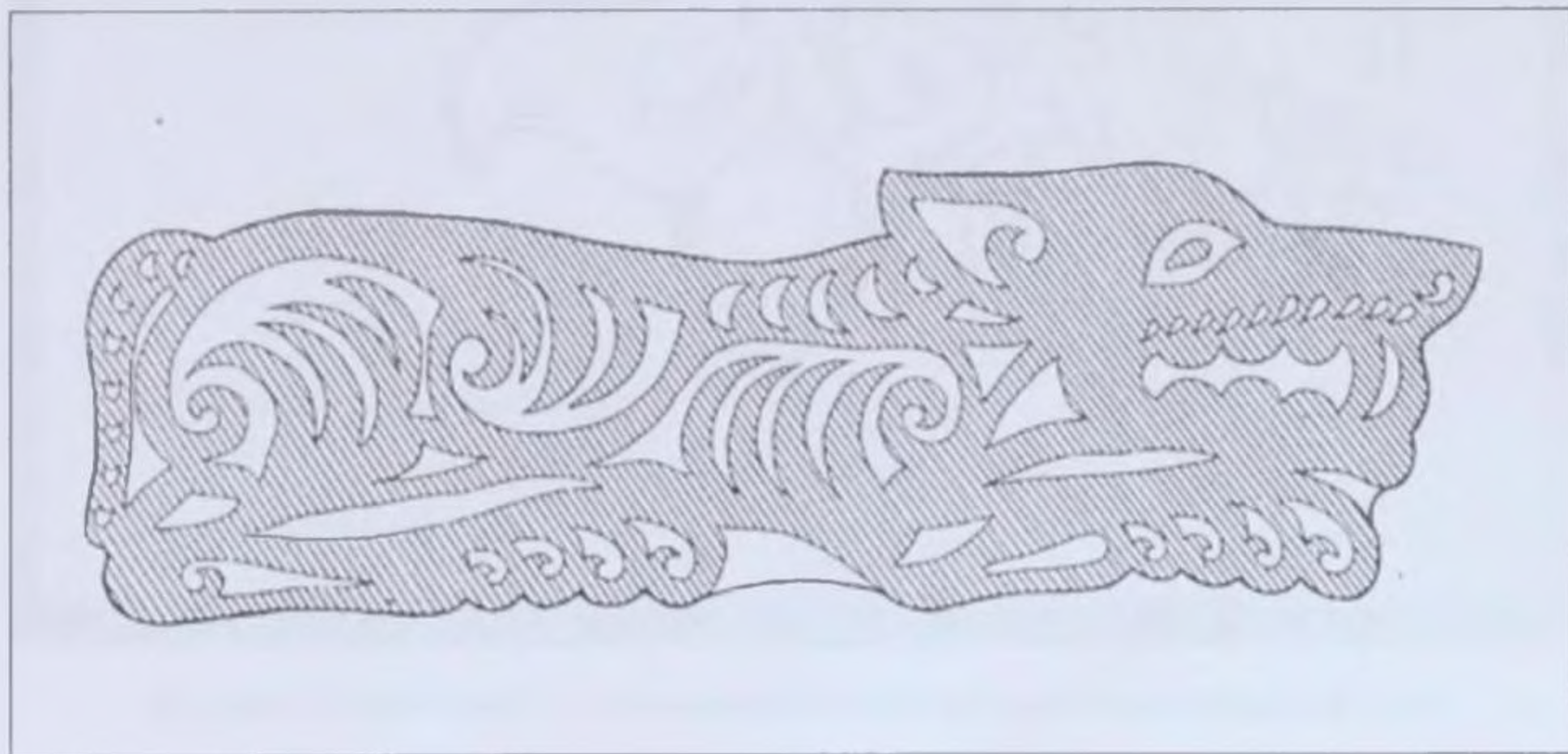

Рис. 63. Войлочная фигурка волка. Подвеска покрытия седла. Курган 1. Ак-Алаха I.

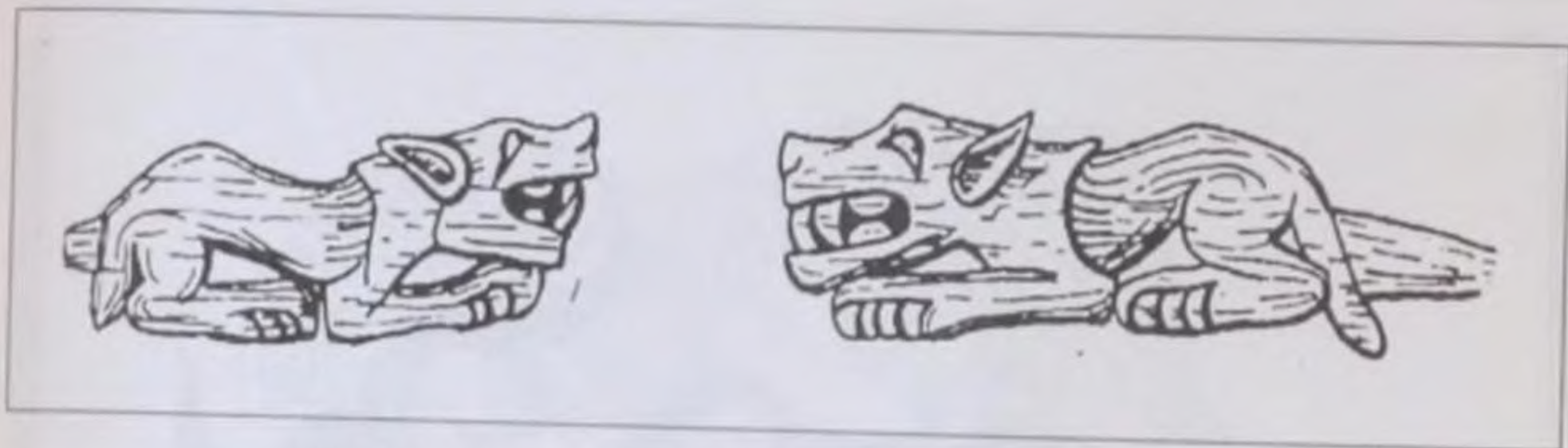

Рис. 64. Наконечники гривны. Волки. Курган 1. Ташанта I.

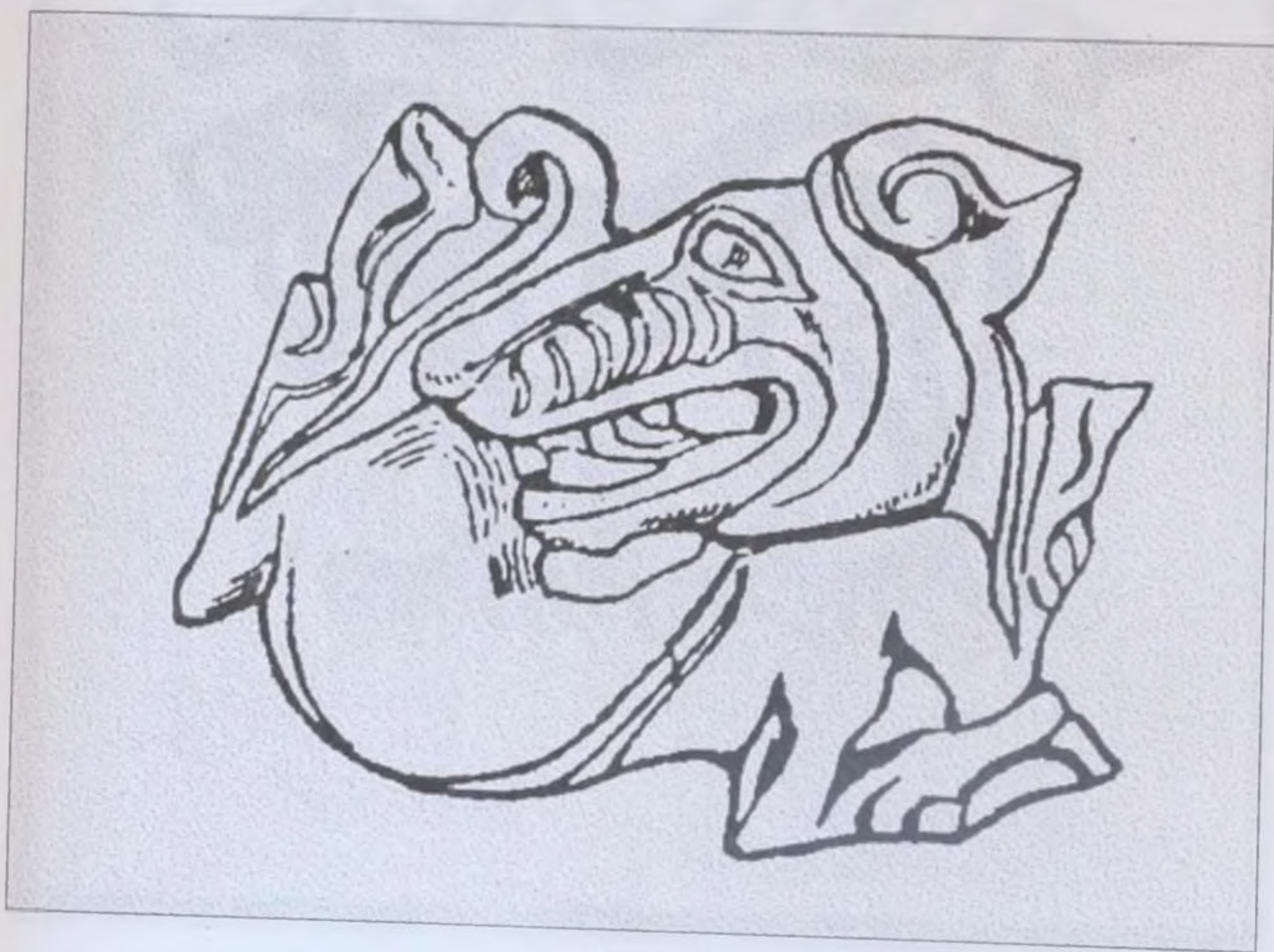

Рис. 65. Волк с вывернутой задней половиной тела. Уздечная подвеска. Дерево. Пазырык 4.

Рис. 66. Вырезанное из кожи изображение рогатого тигра. Туэкта 1.

Рис. 67. Изображения тигров на крышке и саркофаге-колоде. Башадар 2.

Рис. 68. Деревянное украшение узды и нагрудного седельного ремня с изображением головы кошки и грифовых голов. Туэкта 1.

Рис. 69. Кошка с кабаньим клыком в пасти.
Пазырык 2.

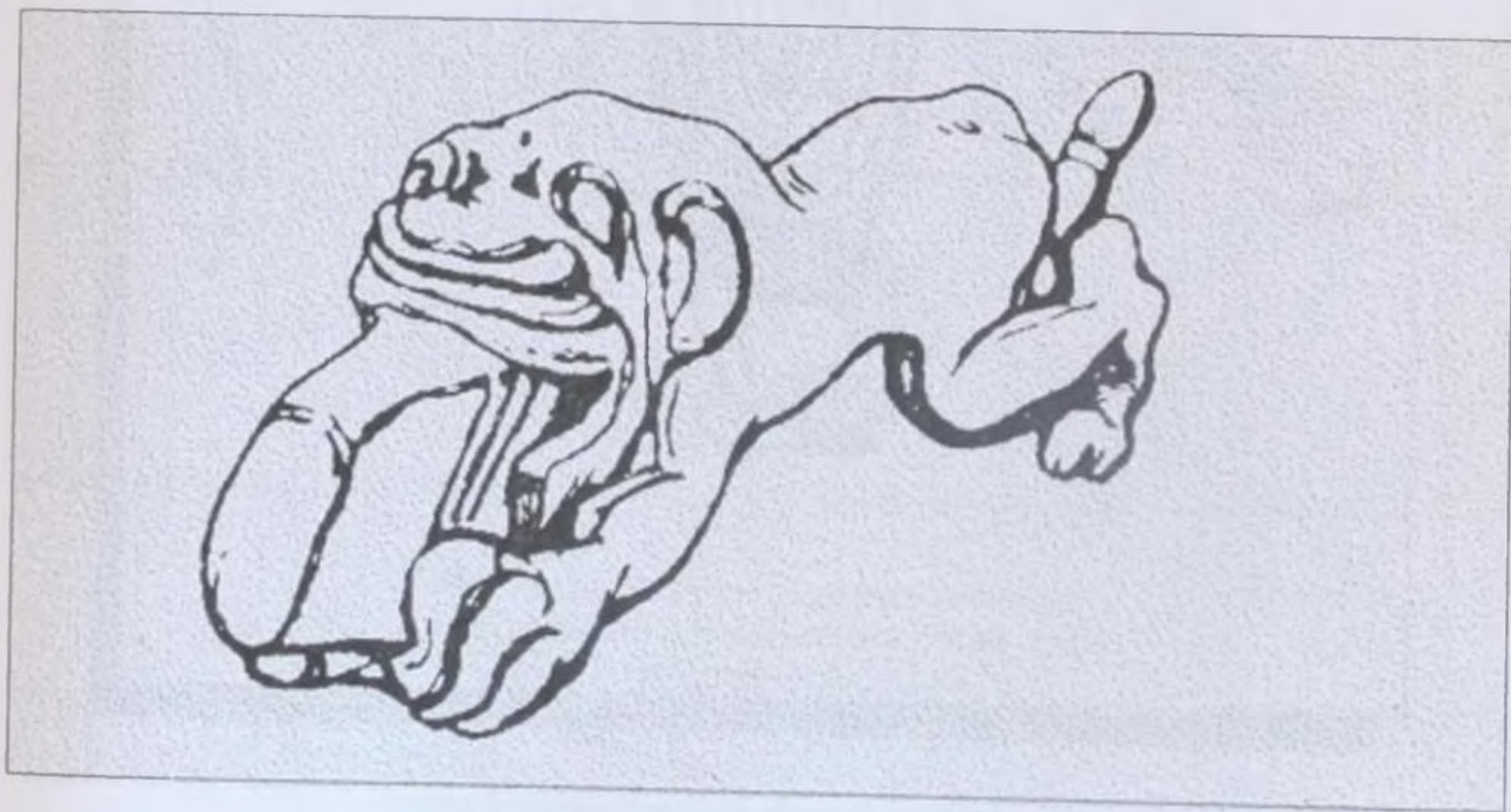

Рис. 70. Кошка-ножка столика-тепши.
Пазырык 2.

Рис. 71. Гуси в пасти фантастического зверя.
Пазырык 2.

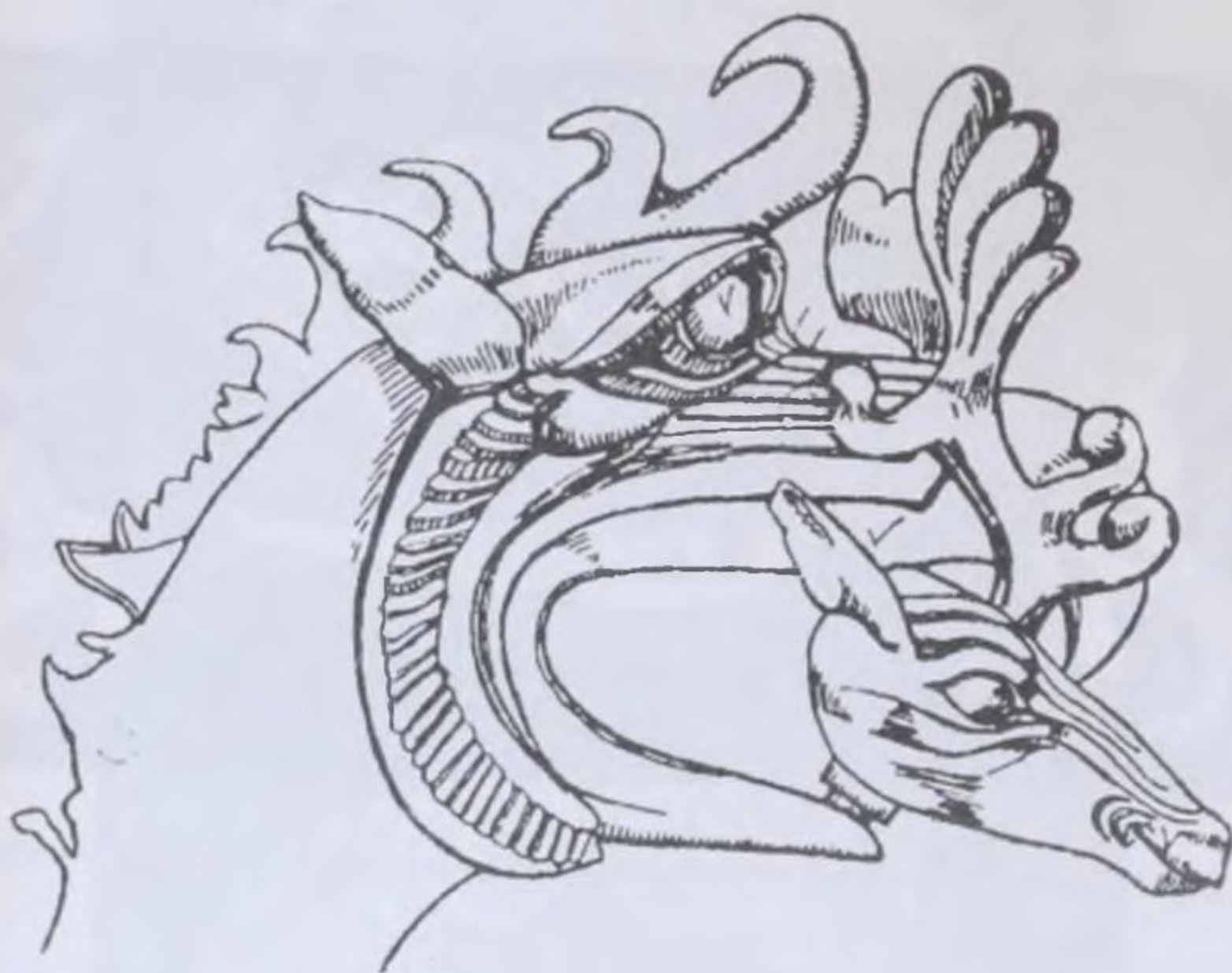

Рис. 72. Вырезанное из дерева навершие
с изображением головы оленя в клюве грифа.
Пазырык 2.

Рис. 73. Борьба орлиного и львиного грифонов. Украшение седельной покрывки. Пазырык 1

Рис. 74. Фигурки геральдически сопоставленных козлов. Украшение штампованное из меди. Пазырык 2.

Рис. 75. Орлиные грифоны — штампованное из меди украшение одежды. Пазырык 2.

Рис. 76. Голова оленя в пасти грифона. Пазырык 2.

Рис. 77. Борьба зверей. Катанда.

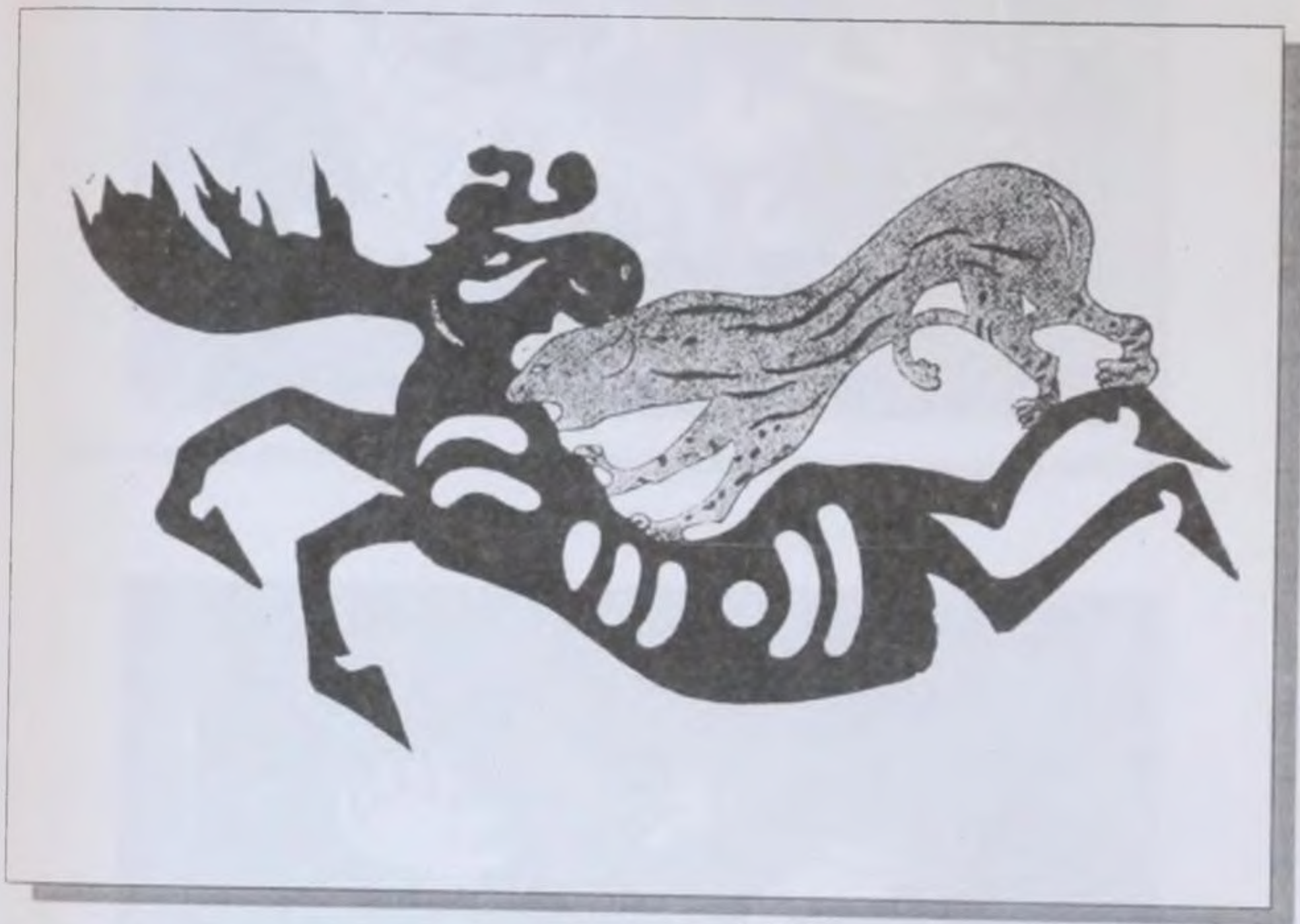

Рис. 78. Украшение седельной покрывки — тигр напал на лося. Пазырык 2.

Рис. 79. Украшение седельной покрывки — тигр напал на лося. Пазырык 1.

Рис. 80. Украшение седельной покрывки — лось в когтях грифа. Пазырык 1.

Рис. 81. Украшение седельной покрывки — тигр напал на горного барана. Пазырык 1.

Рис. 82. Украшение седельной покрывки — тигр напал на оленя. Пазырык 1.

Рис. 83. Гриф. Украшение седельного ремня.
Кожа. Пазырык 1.

Рис. 84. Голова грифона. Навершие. Дерево.
Пазырык 2.

Рис. 85. Гриф. Берельский курган.

Рис. 86. Деревянное украшение узды.
Туэкта 1.

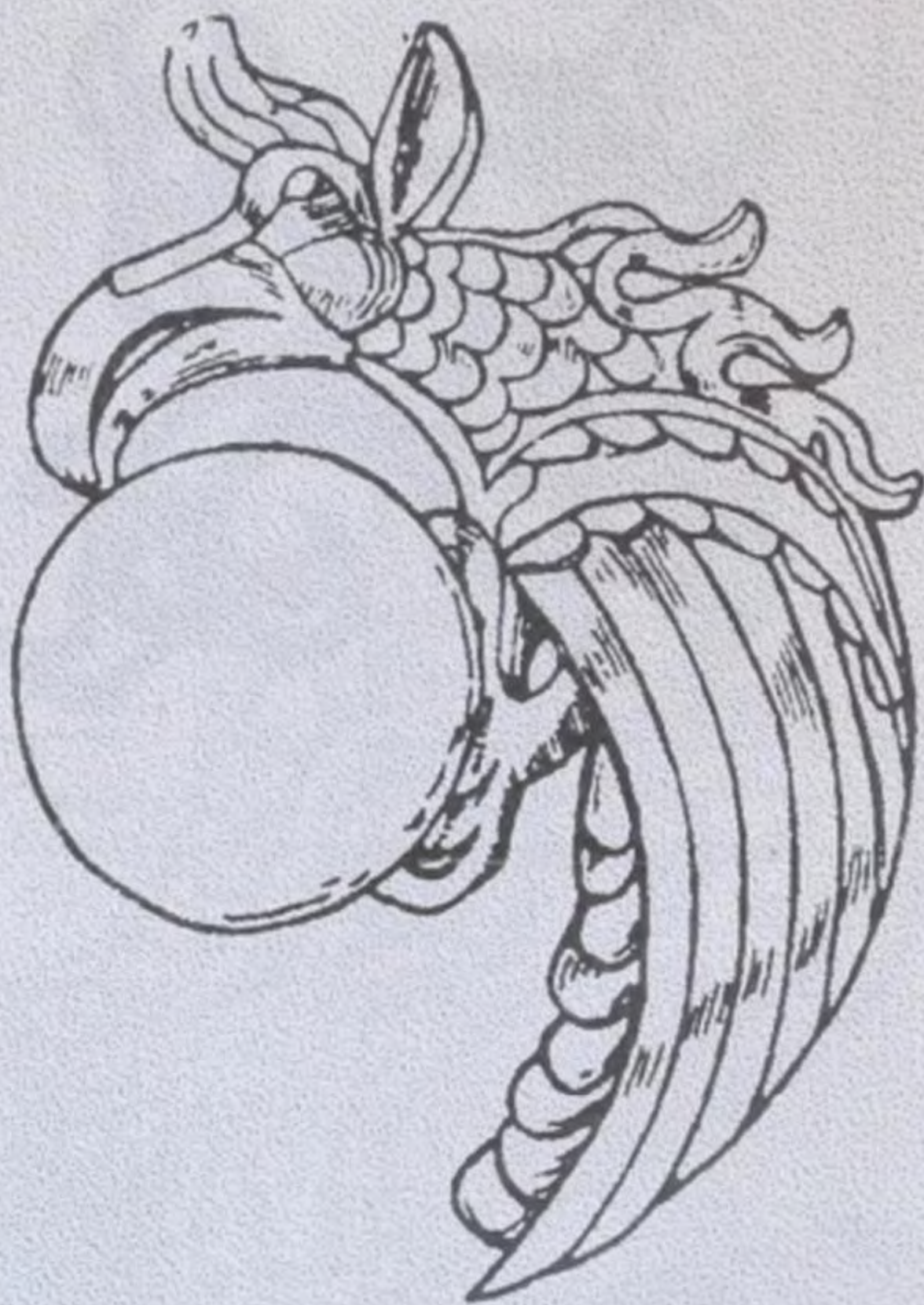

Рис. 87. Гриф с хохолком и гребнем. Деревянная налобная уздечная бляха. Туэкта 1.

Рис. 88. Свастика из четырех грифоновых голов. Седельное украшение. Кожа, Тузкта 1.

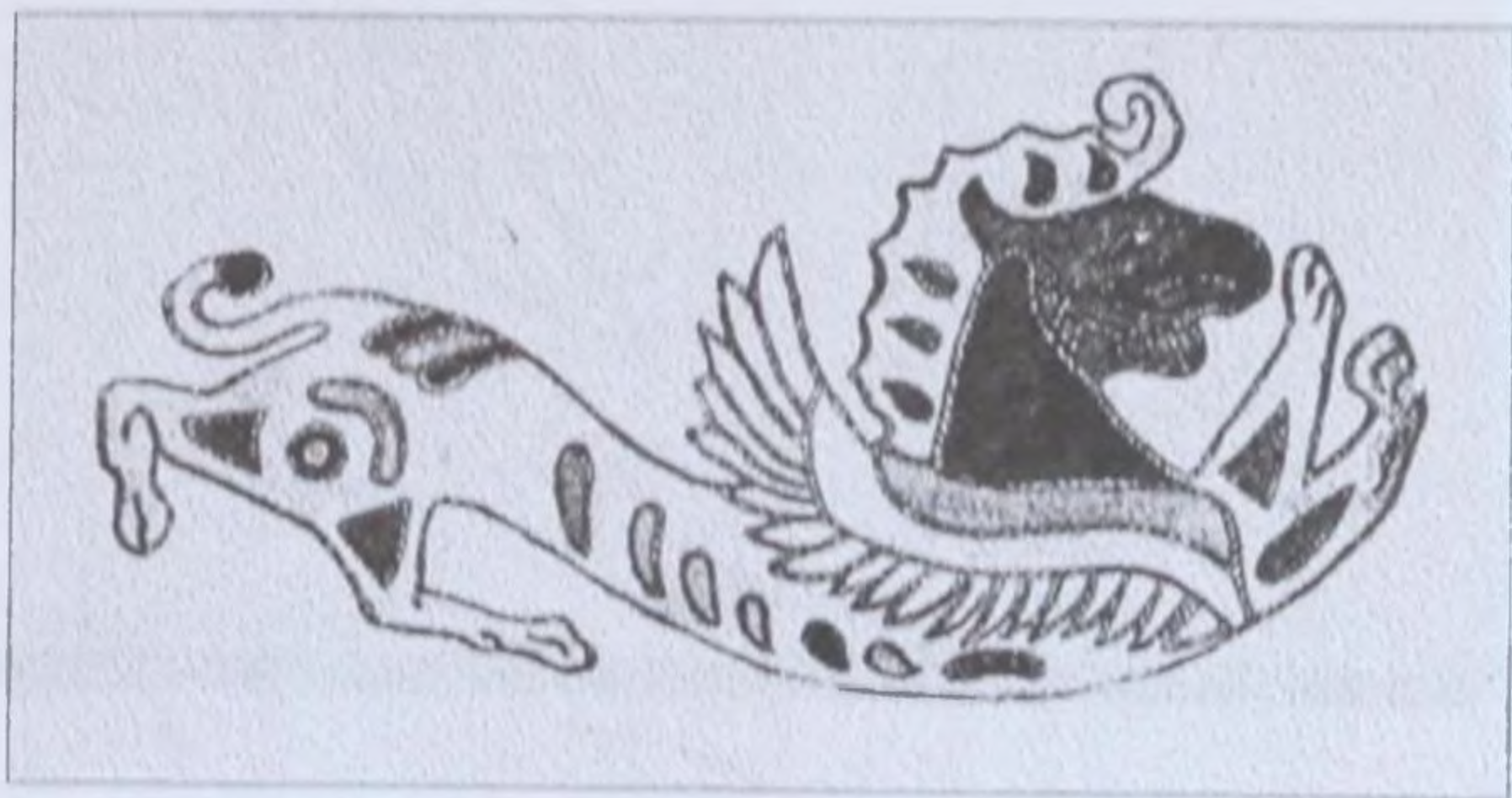

Рис. 89. Орлиный грифон. Украшение седельной покрывки. Пазырык 2.

Рис. 90. Деревянный грифон. Украшение конской упряжи, Курган Кутургунтас.

Рис. 91. Гриф. Вырезанная из дерева накладка на луку седла. Башадар 2.

Рис. 92. Войлочная рыбка-подвеска на покрытии седла с нашитыми аппликациями в виде грифонов. Курган 1. Ак-Алаха I.

Рис. 93. Тетерев. Кожа. Пазырык 2.

Рис. 94. «Феникс». Аппликация на войлочном ковре. Пазырык 5.

Рис. 95. Петухи на саркофаге. Пазырык 1.

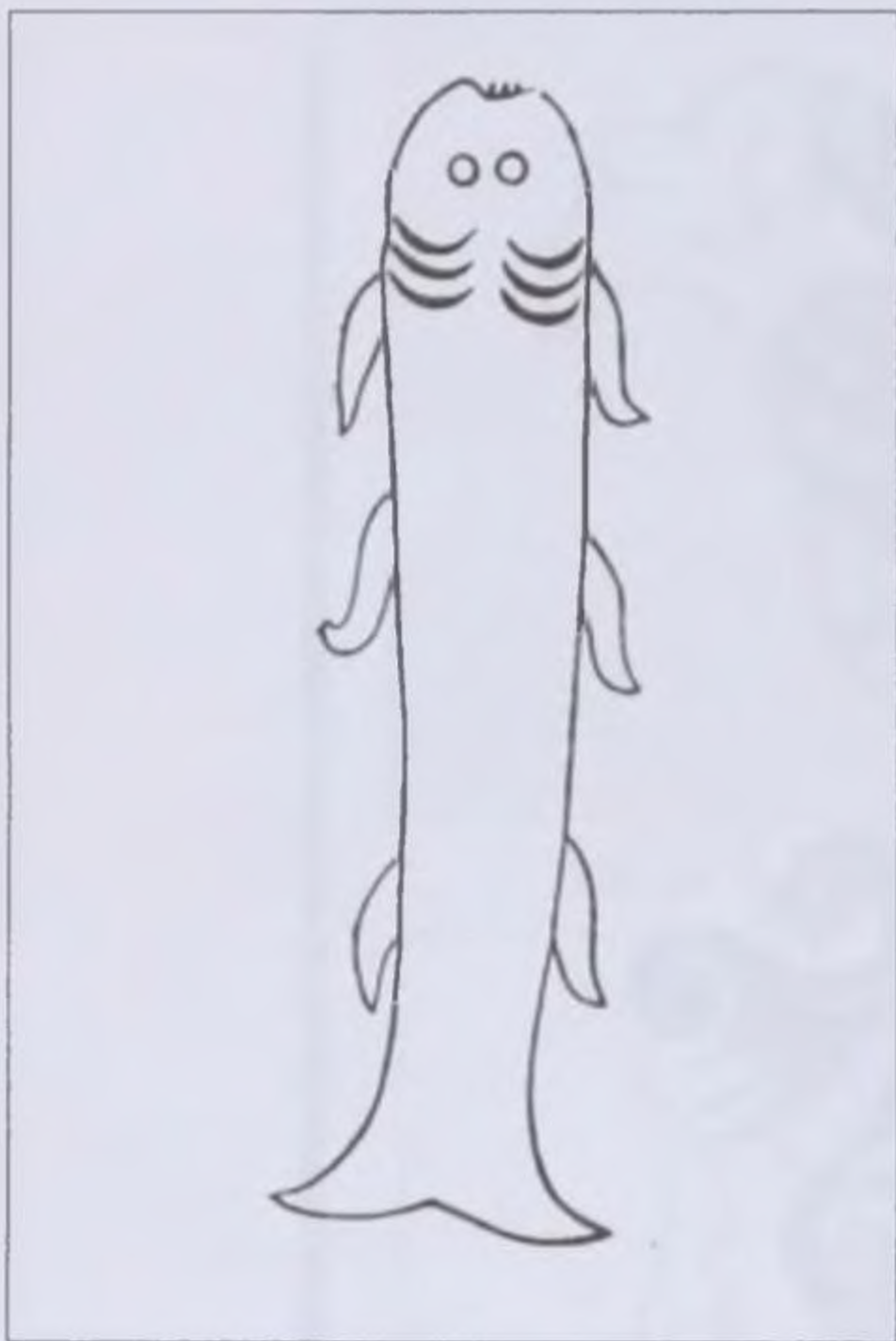

Рис. 97. Рыба в татуировке на правой ноге мужчины. Пазырык 2.

Рис. 96. Татуировка мужчины. Пазырык 2.

Рис. 98. Татуировка со спины. Пазырык 2.

Рис. 99. Горные бараны в стремительном беге — деталь татуировки.
Пазырык 2.

Рис. 100. Изображение фантастического зверя в татуировке на груди
и на спине мужчины. Пазырык 2.

Рис. 101. Изображение фантастического зверя в татуировке на плече правой руки мужчины. Пазырык 2.

Рис. 102. Изображение фантастического зверя в татуировке на правой руке мужчины. Пазырык 2.

Рис. 103. Горный баран в татуировке на правой руке мужчины. Пазырык 2.

Рис. 104. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. Пазырык 2.

Рис. 105. Изображение фантастического животного в татуировке на правой руке мужчины. Пазырык 2.

Рис. 106. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. Пазырык 2.

Рис. 107. Изображение фантастического рогатого зверя в татуировке на левой руке мужчины. Пазырык 2.

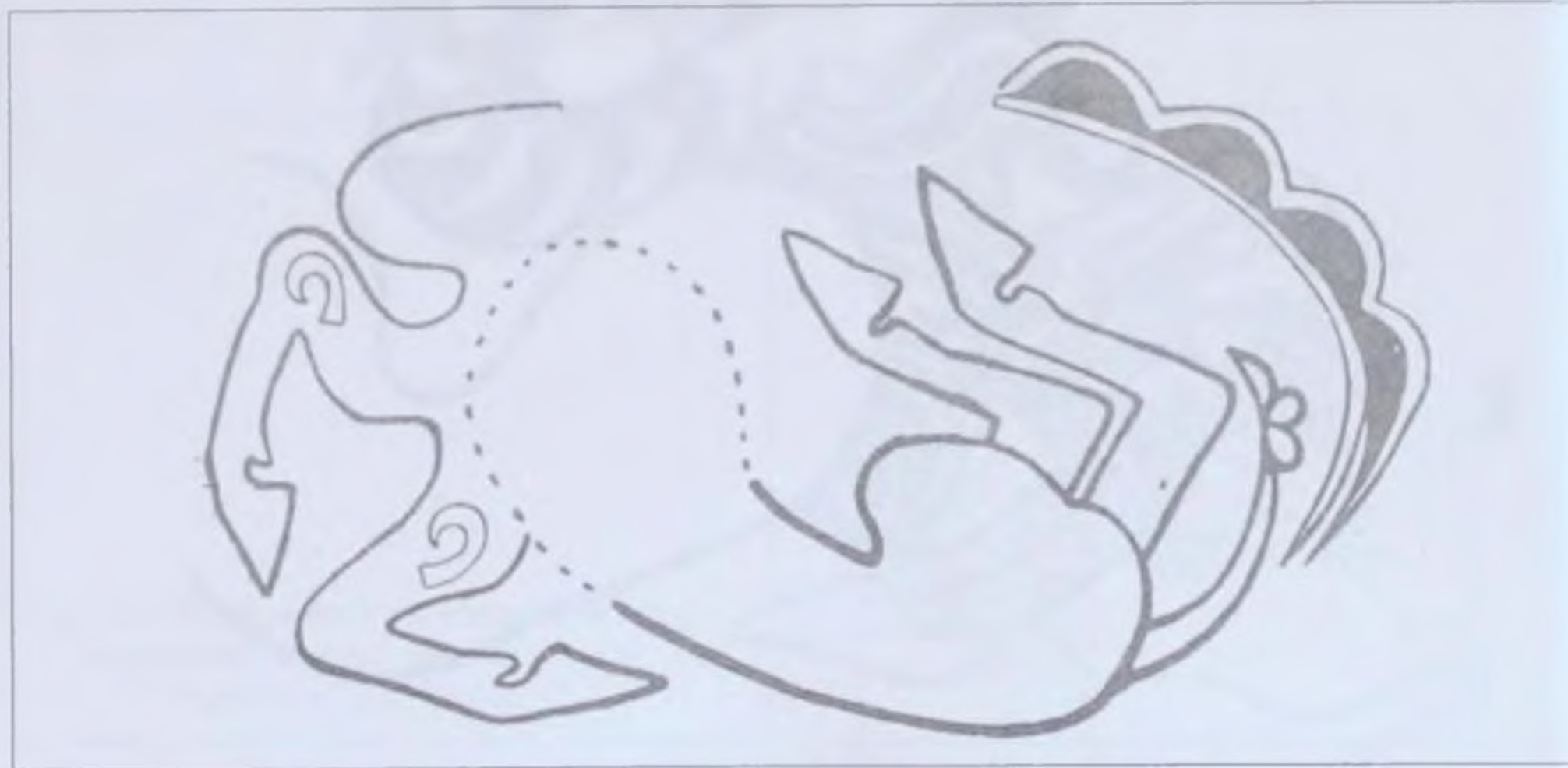

Рис. 108. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. Пазырык 2.

Рис. 109. Реконструкция
наряда женщины,
захороненной
в кургане 1 могильника
Ак-Алаха 3.

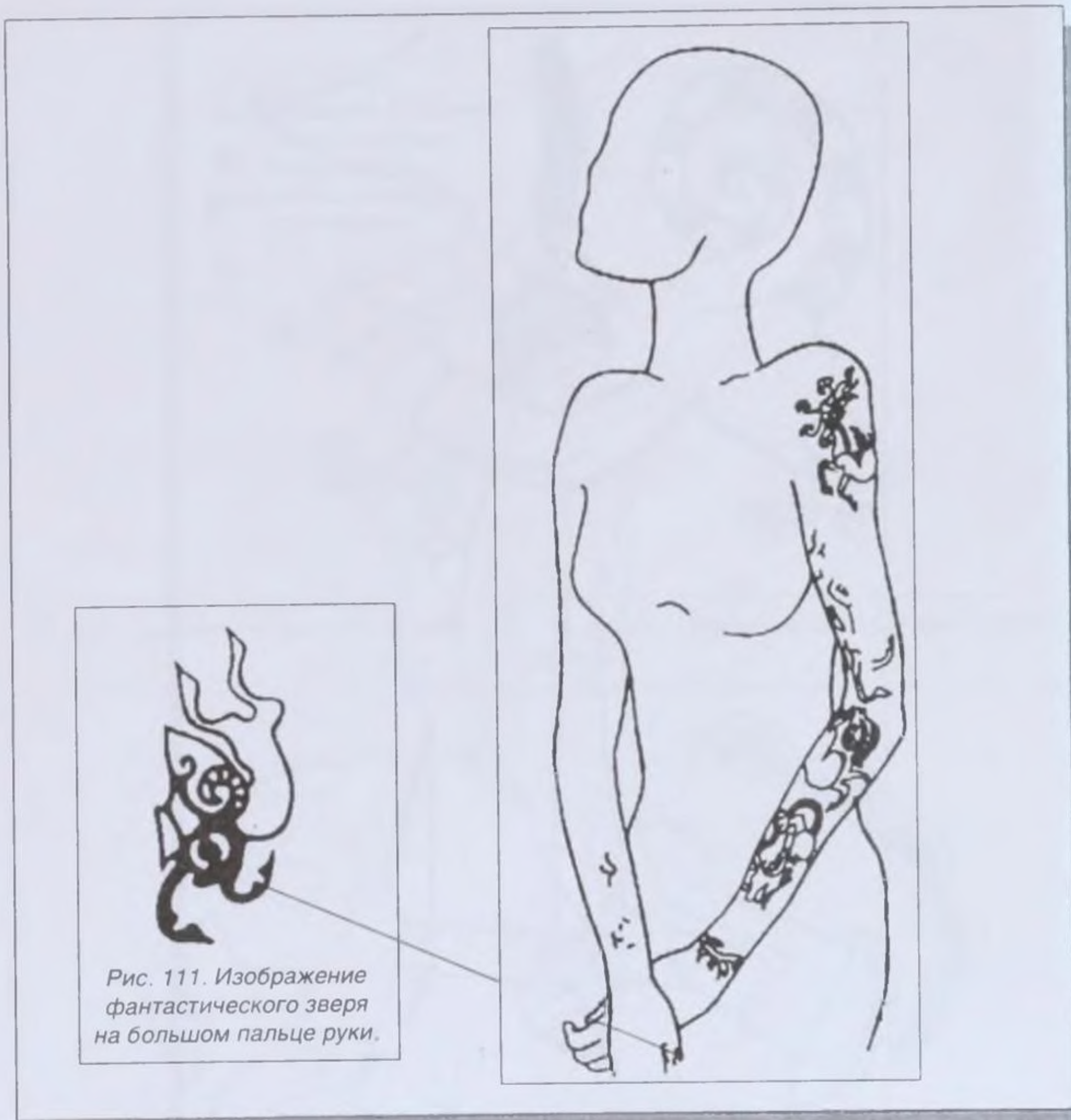

Рис. 111. Изображение фантастического зверя на большом пальце руки.

Рис. 110. Мумия женщины. Курган 1. Ак-Алаха 3.

Рис. 112. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке женщины.
Курган 1. Ак-Алаха 3.

Рис. 113. Изображение фантастического зверя в татуировке
на плече левой руки женщины. Курган 1. Ак-Алаха 3.

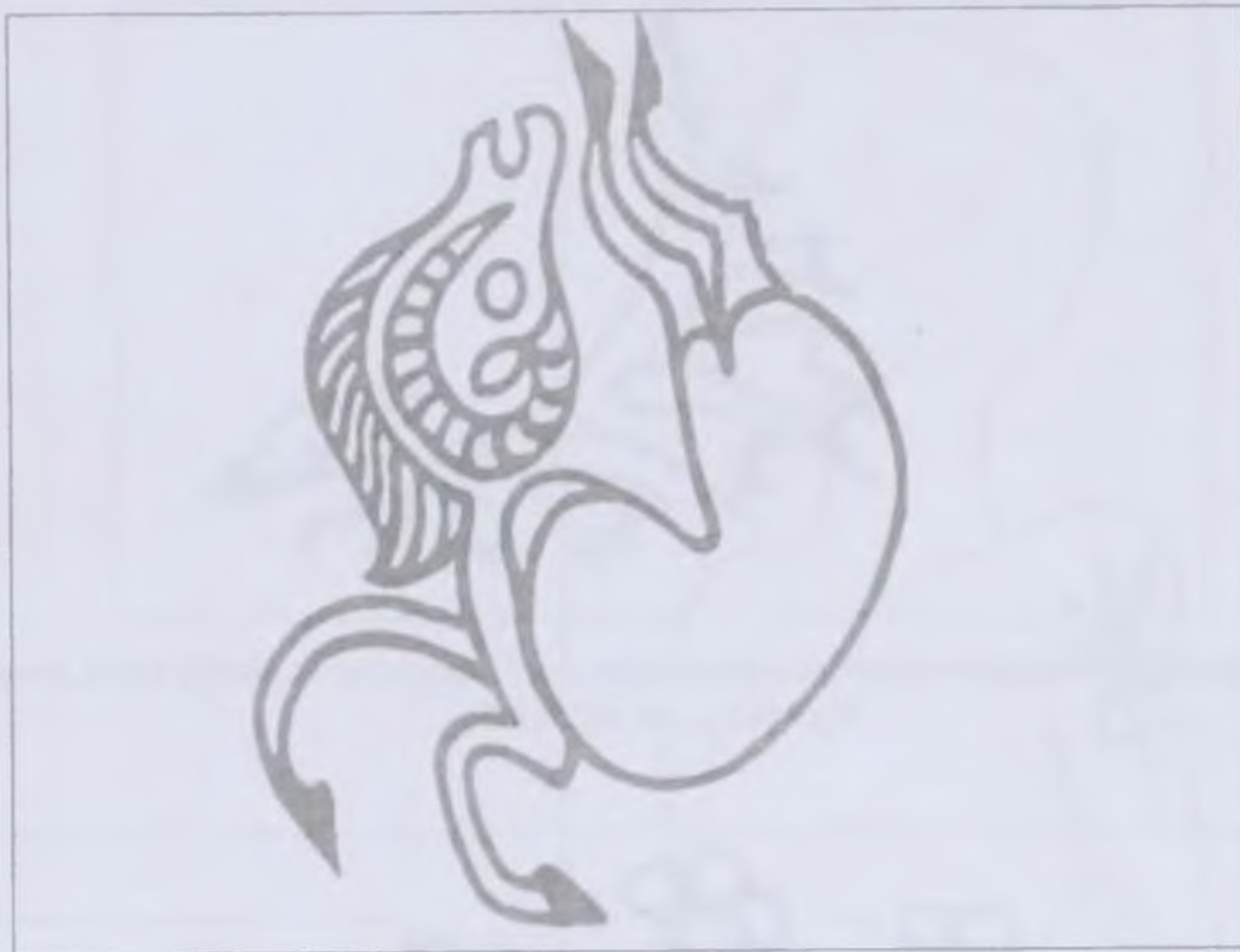

Рис. 114. Горный баран в татуировке на левой руке женщины.
Курган 1. Ак-Алаха 3.

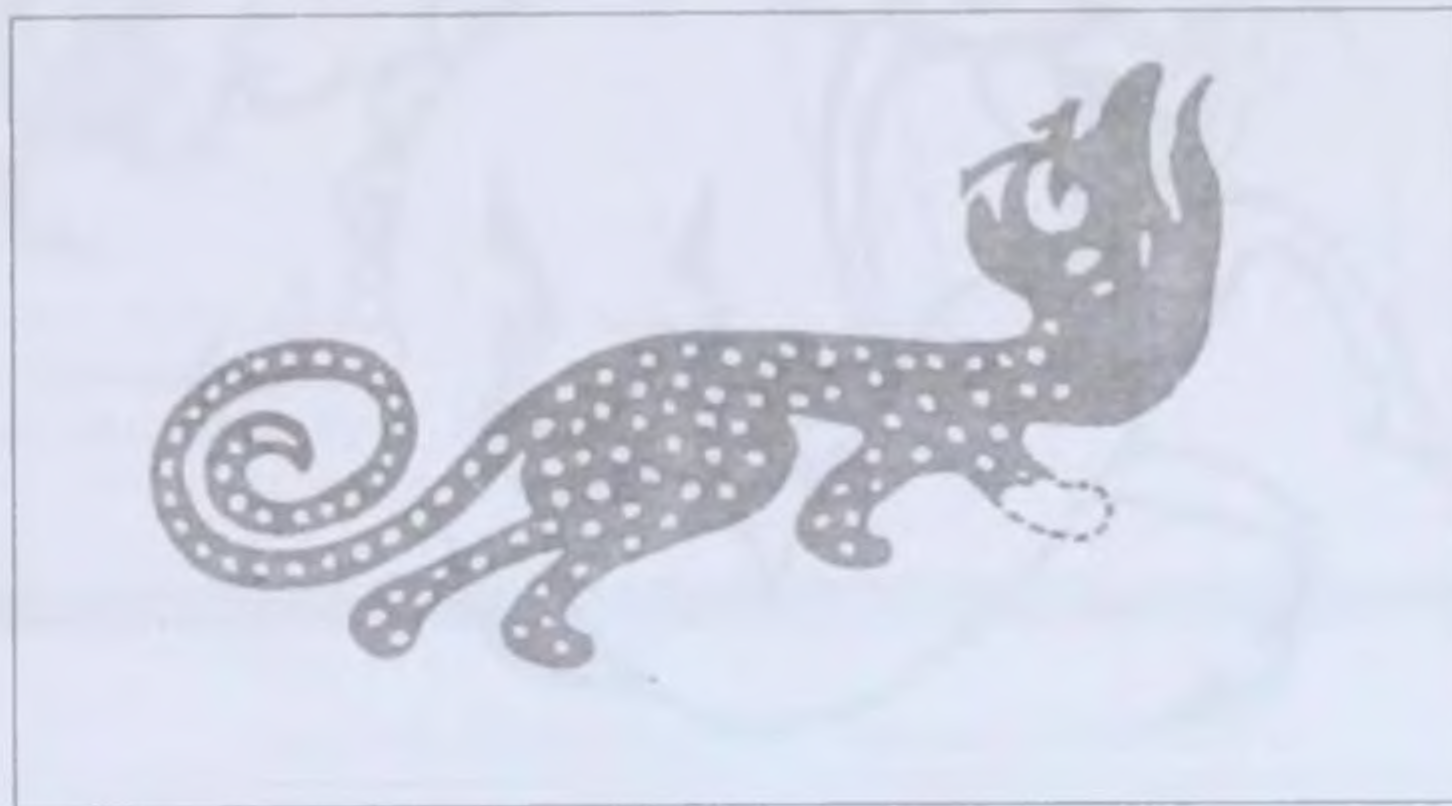

Рис. 115. Изображение пятнистого кошачьего с лапами на мягких подушечках в татуировке
на левой руке женщины. Курган 1. Ак-Алаха 3.

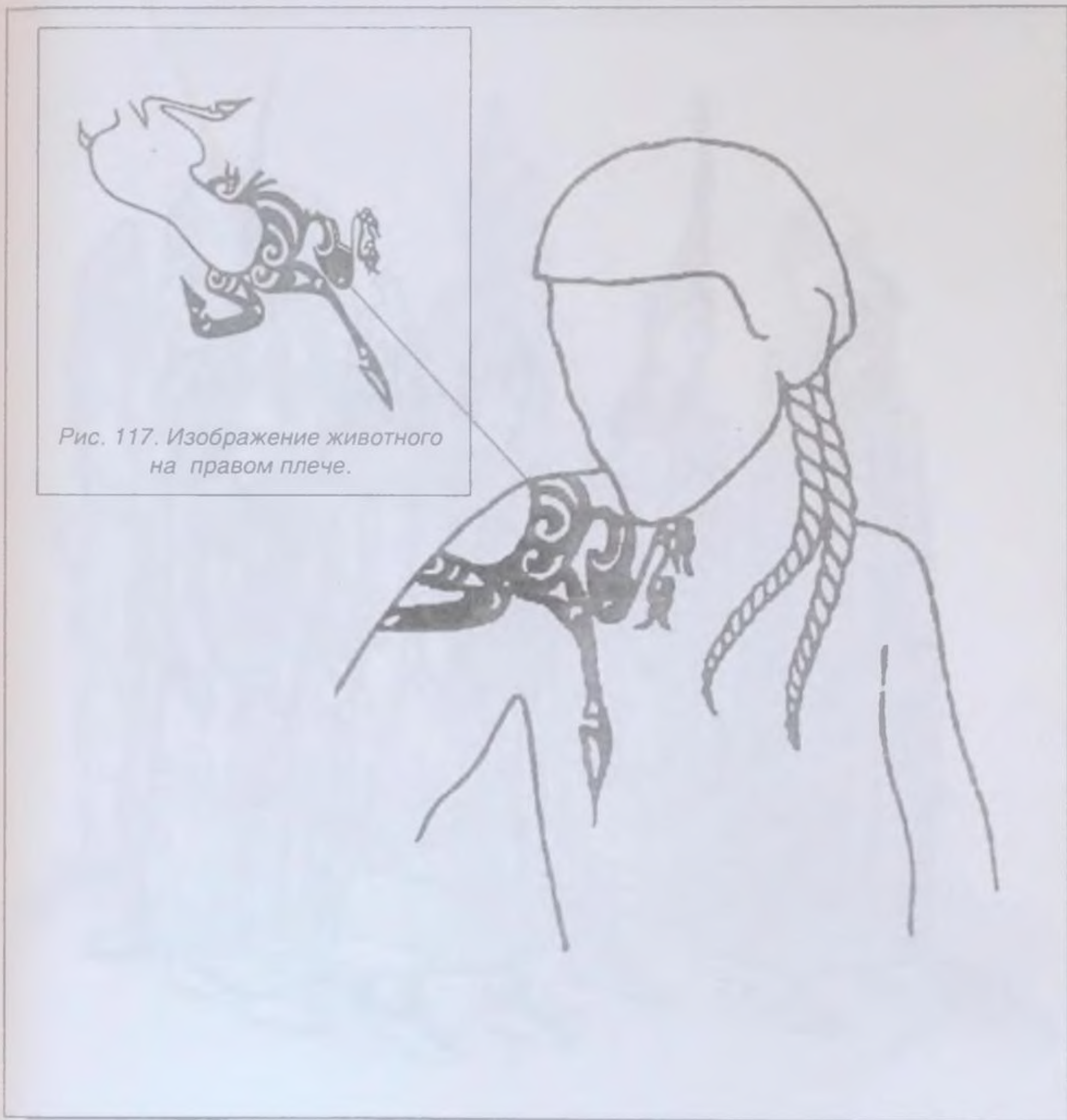

Рис. 117. Изображение животного
на правом плече.

Рис. 116. Мумия мужчины. Курган 3. Верх-Кальджин 2.

Рис. 118. Прощание. Рисунок С. Дыкова.

Рис. 119. Лиственничная колода. Курган 7. Юстыд 1.

Рис. 120. Лиственничная колода. Курган 2. Ташанта 1.

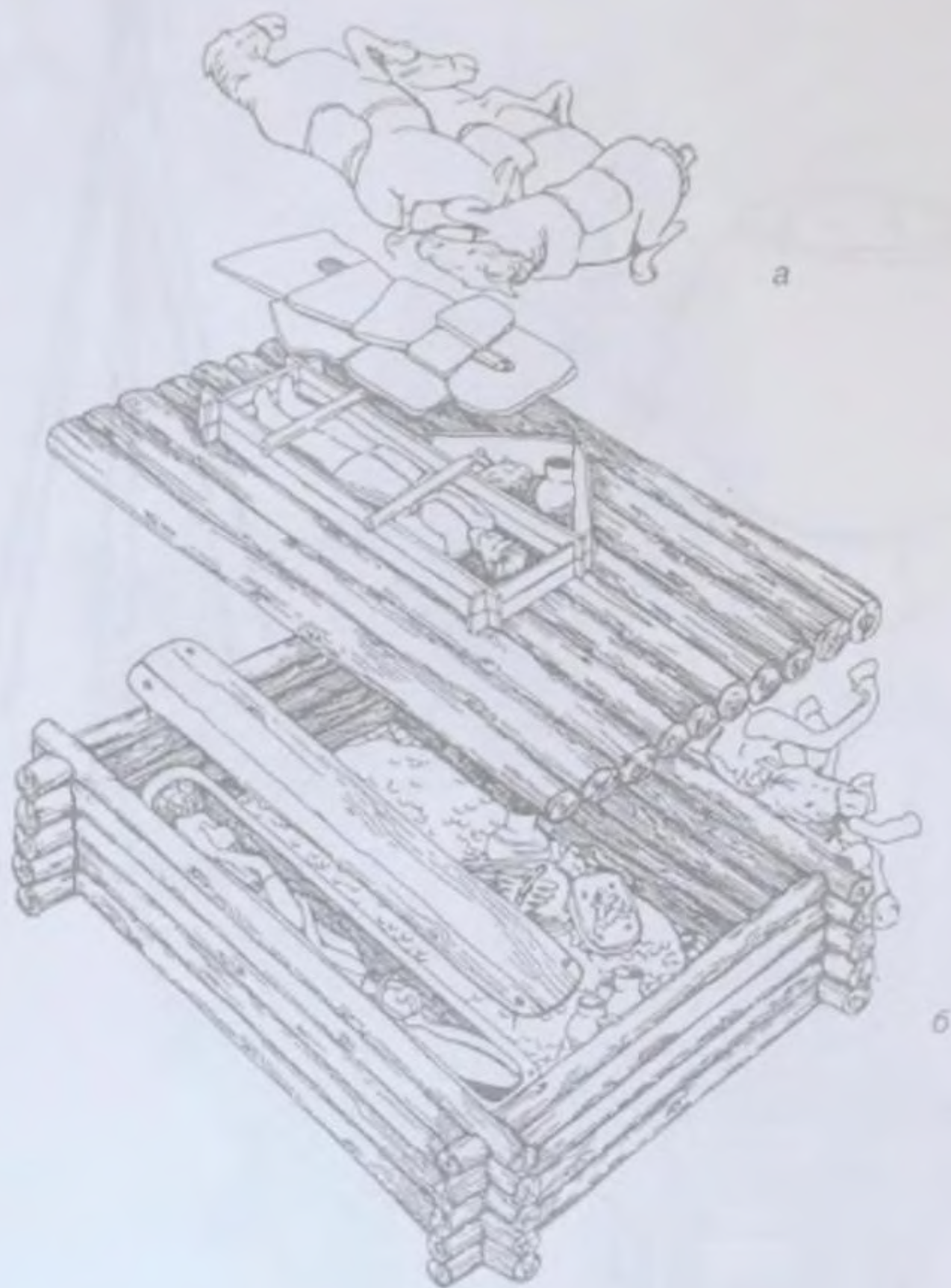

Рис. 121. Впускное погребение кара-кобинцев (а); погребение Укокской жрицы (б).

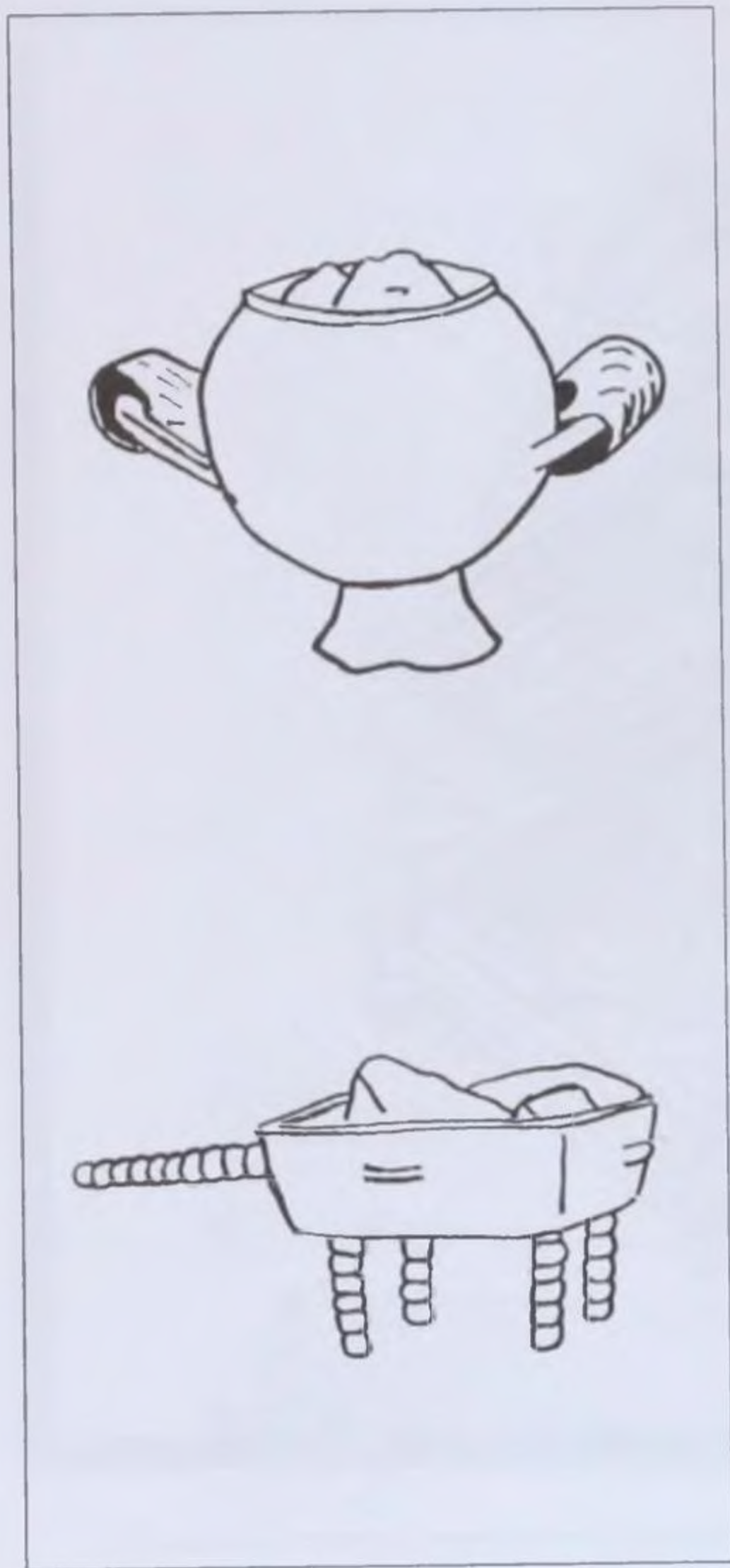

Рис. 122. Медные курильницы. Пазырык 2.

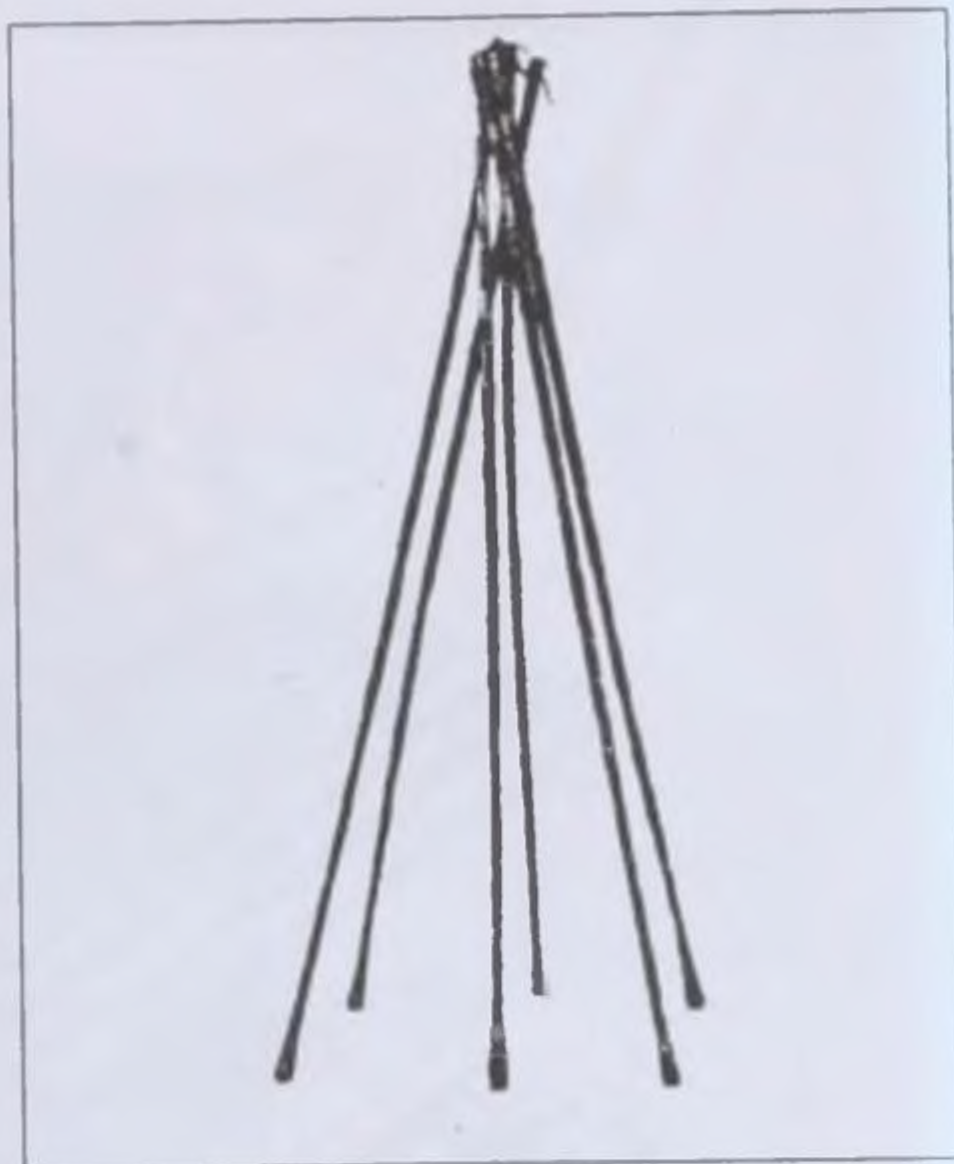

Рис. 123. Шестинога. Пазырык 2.

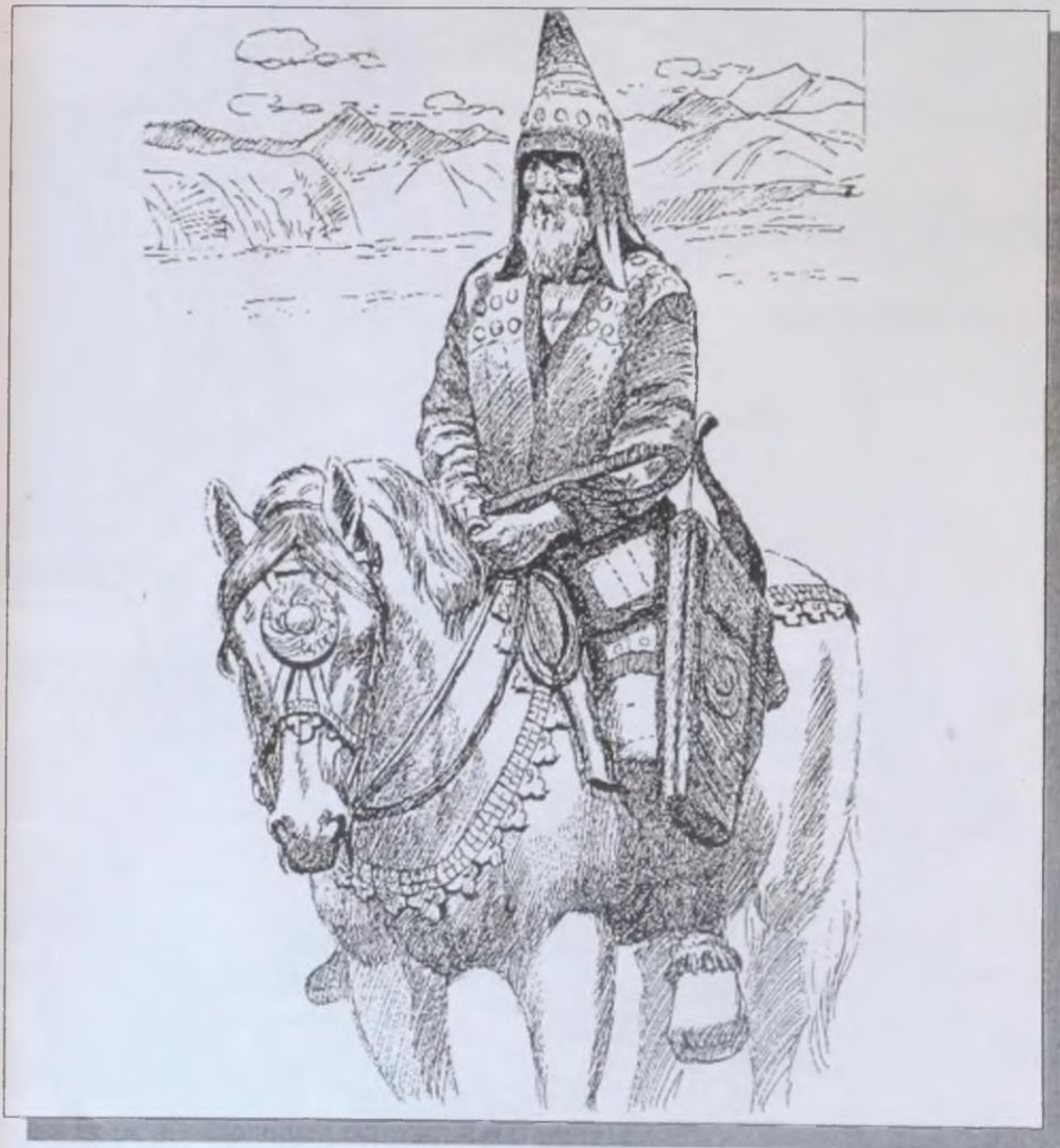
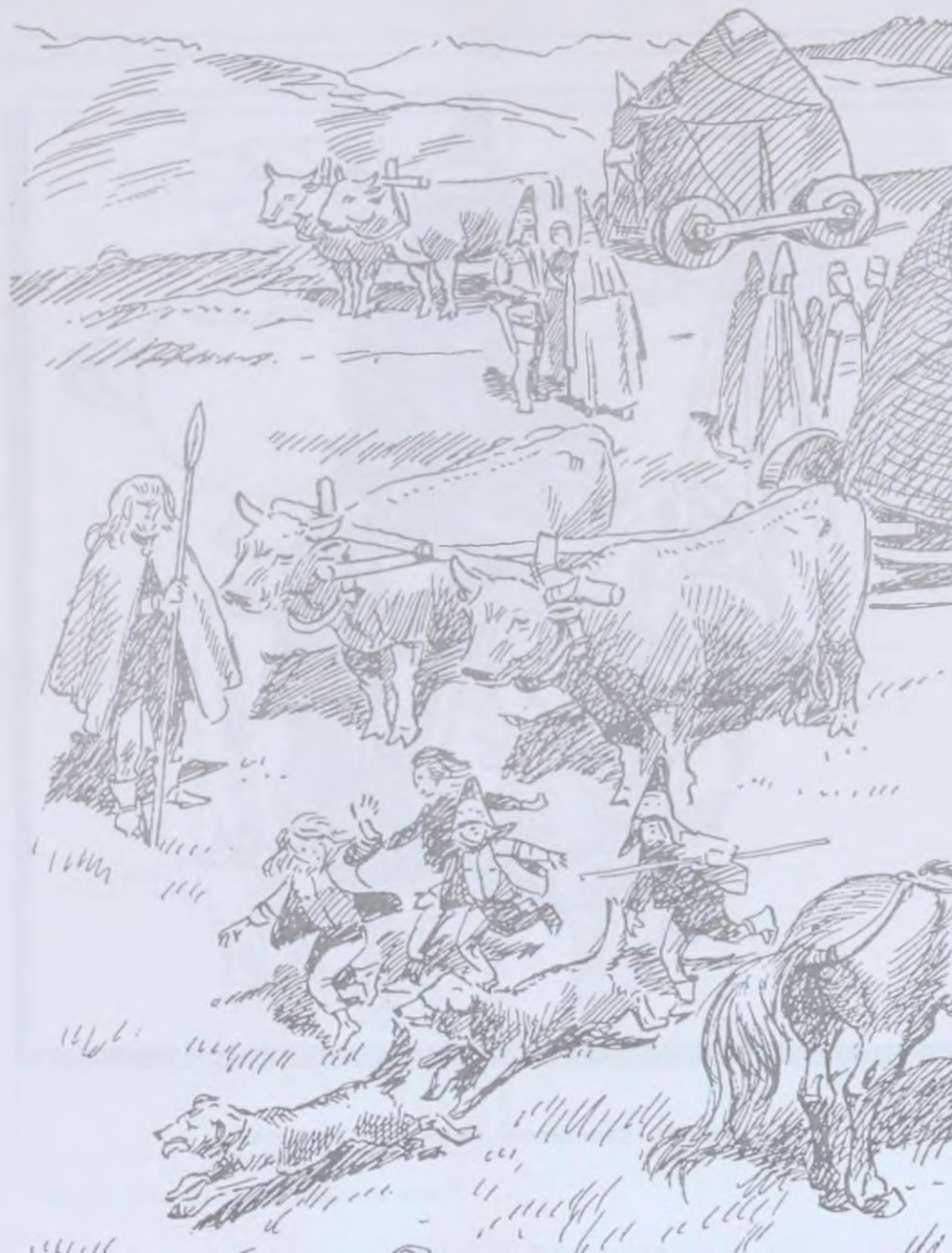

Рис. 124. Предводитель.. Рисунок М. Чевалкова

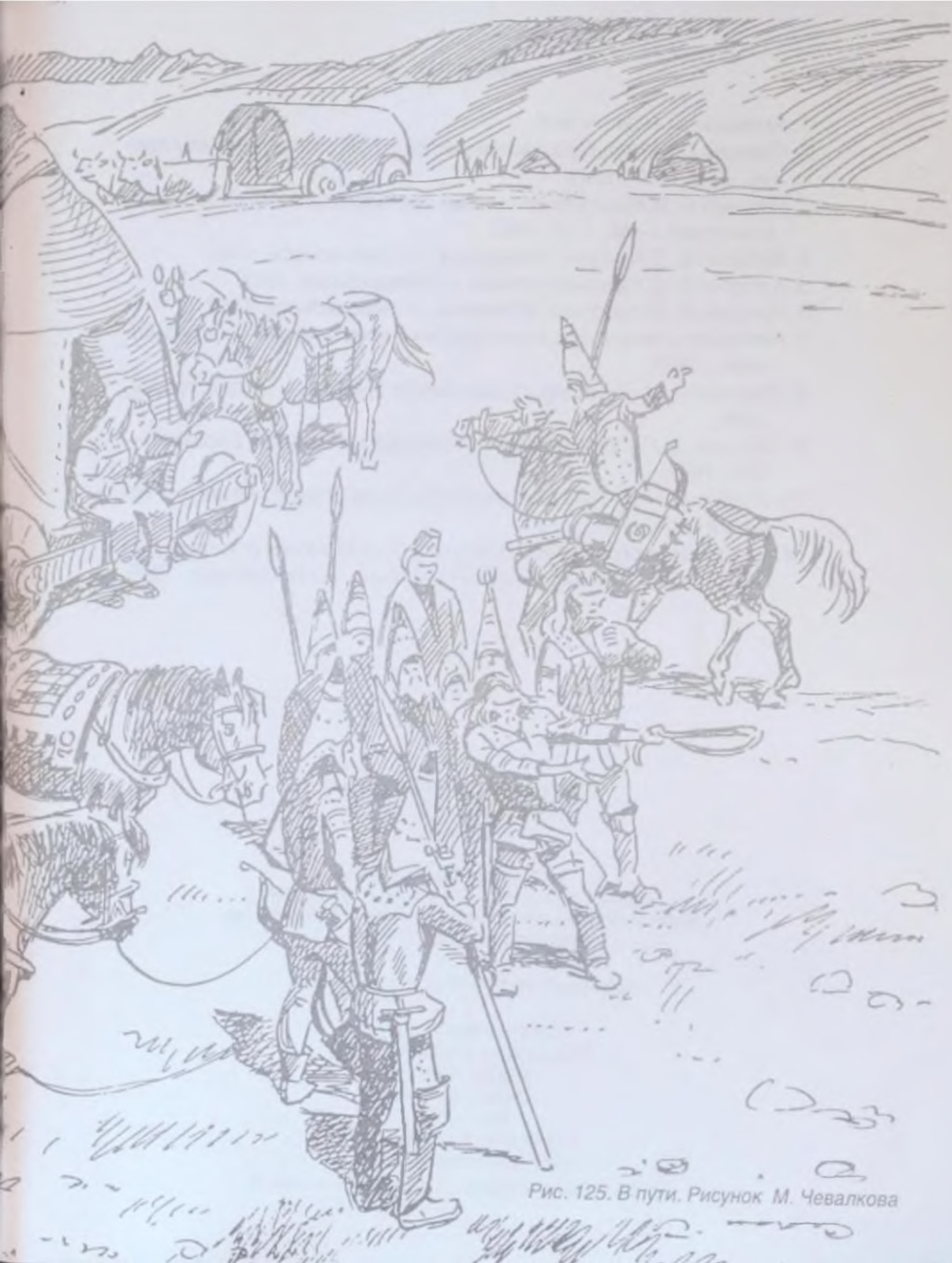

Рис. 125. В пути. Рисунок М. Чевалкова

Литература:

1. Алтайка. — 1994. — №4.
2. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М. — Л., 1953.
3. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М. — Л., 1960.
4. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987.
5. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991.
6. Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. — Новосибирск, 1992.
7. Материалы по истории и этнографии Горного-Алтая. — Горно-Алтайск, 1993.
8. Полосьмак Н. В. «Стерегищие золото грифы». — Новосибирск, 1994.
9. Савинов Д. Г. Оленьи камни в культуре кочевников Евразии. — СПб, 1991.
10. Соенов В. И. Археологический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1993.
11. 3-годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995 г. Тезисы докладов. — Новосибирск, 1995.

Тайны древних курганов Алтая

Альбом

Составитель В. Э. Кыдыев
Текст В. И. Соенов, Г. П. Самаев, В. Э. Кыдыев
Макет и художественное оформление Л. Г. Кользенова
Редактор Комурчи Петешева

Лицензия ЛР № 066513 от 19 апреля 1999 г.

Сдано в набор 25.05.2000
Подписано в печать 12.06.2000
Формат 70x841/16
Печать офсетная
Объем 7 п. л.
Тираж 5000 экз. Заказ 3217.
Горно-Алтайская типография,
659700 г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35

38-00